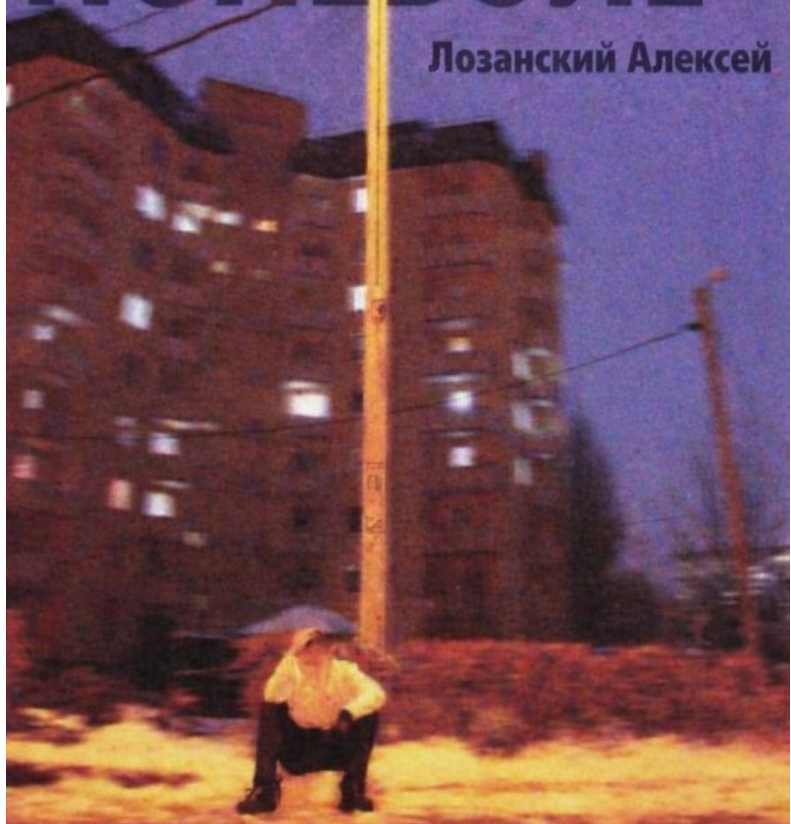

ЛИШНИЙ ПОНЕВОЛЕ

Лозанский Алексей

Алексей Лозанский

Лишний поневоле

<https://litres.ru/72713689>

SelfPub; 2026

Аннотация

Боль, судьба и огонь - вся моя жизнь в трёх словах. Этот дневник - мой гадкий, депрессивный, умирающий мир. Каждая глава - агония, вызванная постоянной враждой мозга и сердца. Эти предложения - яд, накопившийся за долгие годы неудач и ошибок. Каждое слово - это порез на моей руке, слезы, синяки на теле и литры желчи. Каждая буква - игла возвращённая одиночеством. Всё это - огромный манифест боли против судьбы, заклеенный огнём! Ведь не может быть так, что кто-то постоянно обязан жить по определённому сценарию, ведь не может быть Мир так жесток! Или нет никакого Мира и есть лишь просто мир? Могу ли я победить судьбу? Как выиграть в битве с самим собою? Возможно ли счастье без страданий? Долго ли ещё прогорит свеча моей души? Я задаю слишком много вопросов, разлёживаясь на этом кожаном диване, но боюсь задать самый главный, и ещё больше боюсь получить на него ответ. Каково быть психом, единственным собеседником которого является его же личный дневник?

Содержание

1 ЧАСТЬ	4
ГЛАВА 1 «ГАДКИЙ ДНЕВНИК»	4
ГЛАВА 2 «ИСТОРИЯ ГОРЕВА»	11
ГЛАВА 3 «ЕВГЕНИЙ ВЕРНОЙ»	59
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Алексей Лозанский

Лишний поневоле

1 ЧАСТЬ

ГЛАВА 1 «ГАДКИЙ ДНЕВНИК»

Стоит ли начинать эту книжонку, это гадство? Ведь для кого она? Только для меня. Меня. Меня. Это не точная инструкция для чайников или не сложная формула, в которой все элементы логически выстроены. Это же бред сумасшедшего, больного и изнеможенного жизнью человека с одними лишь вопросами. Запутавшиеся нитки мозга, закрученные мыслями о поступках из прошлого. Не хочу называть это мемуарами, ведь писать мемуары, ровно как смотреть в кривое зеркало, где отражение прямое. Скорее, здесь будет заключено моё сознание, его постепенная смерть. Редко, когда получается проследить за полной историей болезни.

Эти записи, наверное, не будут нести ни для кого ценной информации, но мне нужно признаться хотя бы самому себе в своей слабости и бесполезности. Слишком долго я копил этот яд, который длинными и многочисленными жилками течёт по моему телу. Смажу им листы этого дневни-

ка, чтобы каждый, кто дотронулся до него, обжёгся, ранился, испытал отвращение, почувствовал эту гнетущую тяжесть и невыносимую остроту жизни.

Даже сейчас, лёжа на диване, скрестив ноги, я веду свой дневник и задаюсь вопросом: как люди видят счастье сквозь все свои затонированные беды? Побудут в печали день, два, ну максимум месяц, но потом она улетучивается. Люди продолжают жить, как жили и раньше. Даже со шрамами на душе и ночными кошмарами они могут искренне улыбаться. Я очень часто возвращался к этому вопросу у себя в голове, и всё же, смог прийти к некоторым догадкам. Поддержка... какое чуждое слово! Всю жизнь проходить через сложности с близкими... я очень хотел бы этого, но слишком уж я... я не знаю, не везёт мне. Это же великая ценность! Можно не бояться оступиться, ведь с тобой всегда будет тот, кто может удержать тебя на ногах одним лишь «не переживай». Этой фразы вполне достаточно, чтобы начать жизнь с чистого листа.

Дружба, любовь, поддержка. Их никогда не было в моей жизни. Где они? А я знаю? Вот поэтому и спрашиваю. Это единственные вещи, с которыми связаны мои самые сокровенные мечты. Просыпаться с мыслью о том, что ты кому-то по-настоящему нужен, что ты можешь сделать кого-то счастливым в любой момент. Я был сильным и всегда мог полагаться на себя, но я устал. Тянуть эту тележку с грузом собственной несостоятельности в полном одиночестве. Конеч-

но, на разных этапах моей жизни был коллектив, который решал общие проблемы, но, повторяюсь – только общие. Никому нет дела до вас. У людей куча своих проблем, им не до вас. Все мы сбиваемся в стаи, и при этом в итоге всё равно остаёмся одни. Но несмотря на всё это, я ложно предполагал, что являюсь душой компании, но про меня забывали при первом удобном и даже неудобном случаях. Вот вроде и пошутил удачно в коллективе, помог чем мог, даже выпили все вместе и друг другу поклялись, что «любого за тебя порву», но всё равно друзьями мы не становились. Обо мне коллектив никогда ничего не знал. А я, кстати, о них всё знал, потому что всё вокруг подмечал и запоминал. Такая вот роль наблюдателя. В постели слава Богу мне такая роль не доставалась. В общем, всегда была только видимость того, что у меня есть друзья. Вливаясь в новый коллектив, я всегда старался не то, чтобы, полностью быть его центром, но хотя бы прильнуть к одной из огромных частей. Всё же полностью сливаться с массой мне не хотелось. Да вот такой вот я индивидуалист! Против общества! Личность! Ага, личность, которая сама сидит в полном одиночестве и плачется в свой дневник.

Мне сложно понять, что со мной не так. Вы, читатель (хотя и надеюсь, что этих записей никто не увидит), подумаете, что это случай из разряда: «Всегда виновато общество, но не я» и от части это так, но и своей вины я не исключаю. Но конкретно сейчас, меня больше волнует следствие, а не

причины.

Кстати говоря, об обществе. Мне кажется, что с появлением быстрых источников информации и настоящей зависимости от быстрого дофамина люди стали только тупеть и гнить. И нет, это не всем уже набившая оскомину песня «А раньше было лучше!». Я просто считаю, что люди всю историю по большей части были таким хорошим, отборным, увесистым, превонючим куском дерьма. Просто сейчас благодаря быстрой связи я везде вижу их, даже у себя дома.

Я бы, наверно, смог жить в мире кафтанов, но жить в мире идиотов – натурально болезненно. Да вот так с ходу я обесценил всю современную культуру. И знаете что? Плевать! Пост-, мета-модерн звучат интересно. Но чёрт возьми, как я устал от этих пародий, клише, самоповторов. В целом, само определение пост-модерна подчёркивает что культурный пик человечества уже достигнут и остаётся только переосмыслять то, что уже есть, что как по мне не так интересно. Новый взгляд на старые и привычные вещи зачастую несёт лишь вред. Эти жалкие потуги предложить что-то новое вызывают лишь смех. Нет уж. Я любитель старой школы. Лермонтов, Тургенев, Достоевский и остальные классики, имена которых вы и без меня знаете и по сей день слышите. Не спроста! Все эти люди принесли огромный вклад для развития культуры. Вы можете не любить их учения и работы, но не согласиться с тем, что их работы оказали огромное влияние на всю нашу историю – увольте. Да такой вот я сноб.

А что вы хотели? Мой дневник, пишу в нём что хочу. И я опять обращаюсь к выдуманному читателю. Болею...

Сейчас люди стали...алчнее что ли? При том, что и зарабатывать деньги стало проще. Нелепыми и даже поводом для насмешки считаются благодущие, честь, принципы, бескорыстность. С другой стороны, вправе ли я осуждать людей? Рабство сменилось капитализмом, где ещё и не понятно какие условия хуже? Как по мне в современном варианте это рабство стало просто менее формальным. В общем, к чему я виду-то? Осмысленность. Мне кажется, людям всегда не хватает осмысленности. Время скоротечно, но при этом полжизни нужно потратить на обустройство этой самой жизни и нормально помыслить получается только...на пенсии. Дожить бы ещё до неё. Знаю-знаю, популист скажите..., нет не скажите вы, но это же не отменяет моей правоты. Забавно, кстати, подметить, что продолжительность жизни у людей выросла, но при этом и ритм жизни также вырос. И, по сути, пожить для себя опять не выйдет. Таков мир.

Я не прошу, чтобы каждый школьник сейчас вбегал в книжный за каким-нибудь учебником философии. Я лишь требую, чтобы человек вырослел не только физически, но и ментально, умственно, бил дланью по закрытой двери, проламывая путь всё к новым и новым дверям своего разума. А как же это сделать? Хотя бы простой рефлексией, пониманием своего жизненного опыта и желанием понять зачем, собственно, было рождаться на этот свет Божий? Пусть я и ве-

рующий, но всё также считаю, что роль человека может и не ограничиваться одними заветами Библии, хотя, и служение заповедям уже неплохой жизненный ориентир для искателя. Не стыдно чего-то не знать, стыдно никогда не хотеть узнать. Впрочем, я опять раздаю бесполезные советы, ведь люди начинают ценить то, что у них либо уже отняли, либо скоро отнимут. Так и с жизнью. Видимо, только травма способна дать человеку мотивацию жить осмысленно. Людской мозг постоянно старается заглушить мысль о прокрастинации и бесполезной трате времени и лишь шрам в виде травмирующего опыта будет напоминать о том, что жизнь – во-первых, имеет свойство заканчиваться, а во-вторых, не имеет свойства повторяться. Поэтому как быстро эта жизнь начнётся, так и быстро она закончится без попытки что-то исправить. Может и поэтому принцип «отупей или проиграешь» вполне рабочий. Неспроста самые счастливые люди в этом мире – дураки. Дай бедному кучу денег он попадёт в дофаминовую яму и в итоге станет несчастным, заberi у богатого деньги и он выберется из дофаминовой ямы, но при этом тоже станет несчастным, а дай дураку швабру, так он в неё споёт «Седую ночь». И только на смертном одре дурак расстраивается от той мысли, сколько он всего не успел. Хотя бывают и такие, которые даже при смерти об этом не думают. Завидую.

Кстати, с приходом интернета у людей появилось куча возможностей, чтобы делиться своими мыслями. И иногда начинаешь думать: «лучше б мы остались в каменном ве-

ке». Теперь каждому хочется нацепить ярлык, причём даже на себя, что вообще-то, казалось бы, должно оскорбить, но нет. Теперь это, наоборот, мода! Какая-то эпидемия Тургеневских дураков. Что ж сказать, зато теперь всегда удобно оправдывать свою убогость нацепленным ярлыком. «Ну раз на моей бирке написано идиот, то что уж поделаешь? Депутатом мне не стать.» Ахахах. Сам пошутил, сам посмеялся.

Помимо этого, стало модно намеренно нацеплять на себя именно маргинальные ярлыки, ведь это даёт тебе запоминающийся образ, на котором очень легко зарабатывать. И людям же нравится смотреть на то, как какой-то урод котёнка душит или сношается со своей матерью или делает это всё одновременно. Известность! И людей, которые смотрят это и наслаждаются, отделяет от этого шизоида лишь отсутствие кошелёчка, который за всё это платит.

Мда... понесло меня куда-то. С другой стороны, а что мне ещё делать? Хоть сам с собой разговариваю. Это была моя первая запись, пусть она будет лицом этого дневника. Пожалуй, следующей главой сделаю своё прошлое, а там дальше увидим, что такого случится в моей жалкой и горемычной жизни.

ГЛАВА 2 «ИСТОРИЯ ГОРЕВА»

Сейчас уже где-то часа три ночи, а я всё не могу уснуть. Мне хочется продолжать сидеть и копать в самом себе, попутно занося всё это в дневник. Получается диалог хоть с кем-то. Раньше, как, бывало, заварю себе кофе к 12 часам ночи, да сяду перечитывать рассказы для детей. Нравится мне фантазировать, словно я был частью этих историй, будто это было только вчера. Странный фетиш. За окном быстрым потоком разливается чёрное небо, убивая алый закат. Между 50 страницами приходится делать перерыв для сигареты, чтобы дать глазам передохнуть. Выходя на ночной, белый, обтрескавшийся балкон в одной футболке да шортах, я не замерзаю, тёплого дыма от сигареты достаточно. Лёгкие наполняются табаком и теперь даже внутри груди теплеет. Посреди улицы мелькают фары машин, мчащихся подалеже от моего проклятого взора. Поглаживая свою небритую щёку, вспоминаешь, что забыл её побрить и становится ясно, что ляжешь ты ещё позднее, чем хотел, ведь даже бритьё ты будешь растягивать, смотря в своё отражение, вспоминая жизнь с нуля. Резкой пулей пролетает мысль о том, чтобы перерезать горло, но свист мысли заканчивается и всё возвращается к привычной скуке. По всей квартире выключен свет, и горит он только с экрана компьютера с открытой книгой. Темноты не стоит бояться, ведь тебе уже давно по-

нятно – никому ты не нужен, даже монстрам.

И вот вернувшись после перерыва, садишься за стол, направляя глаза на яркий экран. Медленно просматривая текст, рассудок уже начинает понемногу затуманиваться. И наконец глаза начинают слипаться от усталости и удаётся, хотя бы ненадолго уснуть. А после таких фантазий ещё долго не получается отдохнуть, всё хочется записать, выпустить наружу, но твой усталый мозг до последнего борется с волнующимся сердцем, чтобы хоть немного поспать. И когда уже совсем очевидно, что уснуть не получится, то встаёшь и одеваешься, чтобы пройтись по ночному городу. И так я и слоняюсь всю ночь, руки в карманах, в зубах сигаретка, а в глазах горечь. Пройду то возле простых жилых домов, то парков. А дома в моём районе довольно-таки старые, поэтому при сильной метели напоминают картонные коробки, в которых и хранятся нормальные дома. В парках тоже хорошо, пару лавочек с голыми деревьями. Присядешь на одну скамеечку, а тебе на голову комочек снега упадёт. Поднимешь лишь глаза, всматриваясь в ночное небо, смотря сквозь звёзды, возможно, даже на самого Бога, да продолжишь лишь курить и думать о своём. Так гулять приятно, знаете ли, ведь нет людей, никто тебя не отвлекает. Никто на тебя не смотрит и тебе не нужно ни на кого обращать внимание. Снег всё падает на ресницы, медленно перерастая в бурю. Дальше пяти метров уже почти ничего не видишь. Просто идёшь, не зная куда. Единственным указателям становятся ночные

фонари. Их свет лишь слегка различим в такой пурге. Достанешь руку из кармана, чтобы поразминать падающие хлопья в ладони, встряхиваешь её от воды и умываешь лицо, нащупывая свои мешки под глазами да островатые усы. Пурга тебя считает, но тебе это только нравится. Представляешь как тебя поднимет буря высоко-высоко, что даже и не заметишь как ты уже сидишь на крыше, способный рассмотреть весь городок сверху вниз. Дым сигареты слегка согревает лицо, поэтому я стараюсь подольше растянуть каждый табачный выдох. И вот наконец, когда меня начинает клонить в сон, я поворачиваю назад. Уже дома, изнеможенный, раздеваюсь и выключаюсь на кровати. Многие взвопят, что такие ночные прогулки опасны, ведь меня так и ограбить могут и даже убить. А я лишь тихо восторжествую: «Ну и пусть! Значит так мне и надо.» Но это всё лирика...

Возможно, в прошлых записях я был слишком резок да грубоват. В этот раз я постараюсь более сдерживать себя. Такой вот я эмоциональный. Может быть моя история не самая выдающаяся, но я постараюсь сделать её для вас как можно интереснее. Вы подумаете, что кому какое дело, это же мой дневник? Я решил не врать, хотя бы самому себе, поэтому решил оставить эти записи хоть для кого-то, пусть будет условный читатель. Так ещё легче представить, что ты с кем-то общаешься. Словно это одноканальная переписка. Несмотря на всю обиду на общество, всё равно остаётся желание, что меня хоть кто-то услышит, вероятнее всего, после

моей смерти.

Я и вправду довольно странен. Да я ненавижу общество и людей в целом, но и одному сидеть в квартире каждый день – тяжело. Поэтому я не знаю, чего я именно хочу. И в целом, мне плевать на одобрение общества, но всё-таки, чтоб тебя хоть кто-то похвалил хочется. Но всегда у меня что-то стояло на пути к успеху, к этой самой победе, похвале! Это тянется ещё с детства. Больше всего припоминается моё неудачное выступление на школьном спектакле.

В самом начале чувствовалось, что это моё восхождение на вершины славы. А что по итогу? Уже почти перед самым выступлением меня снимают с одной из главных ролей, ставя взамен редко присутствующего на репетициях выродка, а меня посылают в массовку. И это был не конец моего падения. Начиналась сцена, где массовка разбегается. И вот все спешат в закулисы, как и я, но мои планы спутал один громила, мой одноклассник, случайно врезавшийся в меня так, что я упал со сцены. Мне не было больно физически: ни спина, ни ноги, ни голова не болели. Крайне болело моё самолюбие. Мало того, что сняли с основной роли, так и вдобавок буквально сбросили со ступеней Олимпа. Мне никак не забыть людей, окруживших меня. Сами взгляды размыты и тебе не понять, что они именно думают. Ужаснее другое. Столько глаз наставлено именно на тебя, начинаешь чувствовать себя почти забитой на смерть дичью, от которой так и ждут, что она подохнет. У меня получилось сдержать слёзы

от такого горя, но как будто, если бы я заплакал, то кому-то было бы не плевать. Кто-то протянул мне руку, чтобы помочь встать. Я встал сам и ушёл в закулисы. Тот великан стал извиняться, наверное, он и вправду этого не хотел, но мне было всё равно. Так хотелось вернуться на пару секунд назад, чтобы этого избежать. Но это только бесплодные фантазии.

И вот спектакль закончился, все артисты, включая масовку пошли на сцену, чтобы откланяться, а я же просто ушёл, ибо сразу после выступления у нас начинались каникулы. Уверен, что моей пропажи никто не заметил. Может испугался, а может не захотел позориться, но я твёрдо решил, что не выйду к толпе. Конечно, на выступлении, моих родных не было. А зачем? Я мальчик уже взрослый могу до дома и сам дойти. Видимо, и праздники я встречать должен был сам. Я спокойным шагом направился к раздевалке, переоделся и пошёл к выходу. Помню, как со мною попыталась попрощаться вахтёрша, но я молча проигнорировал её, как и некоторых моих одноклассников, которые тоже решили пораньше уйти. Сначала я думал, куда пойти. Домой так не хотелось, а кипящая злоба всё подначивала остаться на улице. Я продолжал злиться и просто шагал, не задумываясь. Впереди себя я увидел фонарный столб, который был таким длинным и потёртым. Я остановился, скинув с себя рюкзачок. Пальцы мои почувствовали весь холод замёрзшего железа, стоящего на одном месте несколько лет. Кого-то этот столб мне сейчас дико напоминает. Поначалу холод щипал

мою порозовевшую кожу, но затем я привык. Я облокотился лбом на ладонь и лишь медленно вздыхал. Понемногу мой гнев утихал. Холод помогал мне расслабиться. Мне стало настолько легко, что я решил просто уснуть здесь. Неожиданно стала собираться слабая снежная пурга, поэтому я просто присел спиной к столбу и стал засыпать себя снегом. На пару мгновений мне так понравилось это чувство полного оледенения, заморозки сердца и мозга. Никто не шумел, не раздражал, не пытался как-то отвлечь меня. Была лишь полнейшая тишина в этом сугробе. Зарывшись поглубже, я был словно от всех изолирован. И вот уже мой театральный позор забывался, а я всё больше чувствовал себя на своём месте. Наконец, я закрыл глаза, как вдруг мой покой прервал чей-то голос. Из-под тьмы снега прорезался свет, который пробудил меня.

— Димка, ты что в спячку решил впасть? Давай, не глупи, вылезь, мне ещё тут убирать. Нашли блин себе развлечение — в снегу прятаться.

Меня раскопал наш дворник. Дядя Витя. Он разгрёб всю мою конструкцию, поцокал да оттряхнул меня. Человеком он был хорошим, но в этот момент я разозлился, даже не на него, а на то прерванное чувство. Чувство покоя, умиротворения. Он прервал его, полностью разрушил. Конечно, спасибо ему, но такого чувства я более никогда в жизни не испытывал. Я лишь тяжело вздохнул и пошёл домой.

Всё также помню, пришёл, разделся, вымыл полы, сам по-

мылся и просто-напросто лёг на кровать, уставившись в потолок, вспоминая снег, полную свободу под ним. Прележал я в таких раздумьях почти все каникулы, отвлекаясь лишь на еду и уборку.

Прошли каникулы, учебные четверти, все уже давно забыли об моём театральном «успехе», а я всё помнил и боялся, что кто-то тоже об этом мне припомнит. А об снежном укрытии... я думаю и по сей день.

Мне сейчас 25 лет, а родился я почти перед самым распадом Союза, в сентябре 1991. Живу я в обычном районе и пытаюсь найти выход из всей этой западни. Недавно рассматривал свои фотографии. Их у меня не очень много. Пару из глубокого детства, пару из подросткового возраста, и одна с работы. И то, это коллективная фотография. Забавный феномен заметен на них всех. На фотографии из детства я единственный, кто скрючил злое лицо, потому что воспитательница накричала на меня и поставила в угол из-за драки с обидчиком, который первый и начал. Ещё тогда я понял, что нельзя давать себя в обиду, иначе это никогда не прекратится. Меня настолько разозлила эта несправедливость, что мне захотелось взбунтоваться. И вот, когда нас фотографировали я сделал самое злое детское лицо, которое и представить-то сложно. Будто колобок сгнил и у него от злости вздулись вены. Конечно же, воспитательница отругала меня и вновь поставила в угол. На школьной фотографии моё лицо полностью безэмоционально, словно на фото вместо меня

посадили мой труп. Самому не очень приятно смотреть на это. А вот на фотографии с работы есть улыбка. Только она липовая и натянутая. Любому психологу она была бы противна.

Ну раз я решил быть откровенным с выдуманным читателем, то поделюсь с вами и своей физиономией. Вот вам фотокарточка больного Дмитрия Горелова. Я человек чуть выше среднего роста, в хорошей физической форме пусть и немного сгорблен. Как многие говорили обо мне: «приятной наружности».

Моё лицо имеет идеально ровные пропорции, что можно ужаснуться. Нос необычной формы, может даже слегка женский, может поэтому он и вызывает больше всего восхищений среди девушек. У меня часто прищуренные тёмно-зелёные глаза с постоянной злобой и недовольством. Сейчас я всегда мрачен и угрюм, мне надоело подавлять эмоции, и я дал им выход. В последнее время появились мешки под глазами от ночных мыслей, которые не дают мне уснуть. Только в хрусталике видится уже давно тусклый огонёк, который всё не разгорится. Был я довольно бледен, в последнее время даже слишком. Брови тонкие, как и ресницы. У меня короткая и аккуратная стрижка по бокам. Сверху растут немного кудрявые чёрные и блистающие, не от жира, волосы. Так же ношу усы, не очень длинные, но при этом и не очень короткие, немного заострённые, почти вильгельмовские. Лоб имеет довольно закруглённую форму и ровные пропорции,

подбородок овальный. Руки прячу за спиной, простая привычка. К сожалению, привычка выработалась не с проста.

Все мои руки изувечены страшными шрамами от порезов. Руки мои похожи на жилки у листков растений. Все в линиях и узорах. Подростковая глупость и эмоциональные порывы души. Это было в ванной в 14 лет. Как обычно весь мой день прошёл в полном одиночестве, словно я не существовал для этого мира. Я просто устал от всего этого, что меня никто не замечает, что меня просто нет! Ничего уже не привлекало меня в этом мире. И в один момент я просто не выдержал. Я зашёл внутрь ванны и сел на её край. Горячие слёзы капались по моим щекам. Ком в горле душил меня. Закрывая ладонями лицо, я долго всматривался в темноту. Мне просто ничего не хотелось видеть, и тут пришла одна мысль. Я схватил опасную бритву деда и начал на неё смотреть. Долго смотрел. Переосмыслял всё. Будто на весах взвешивал. На одной стороне было всё хорошее, на другой – плохое. Плохого было больше, с перевесом, поэтому резко стал резать сначала одну руку, потом другую. Что вдоль вены, что поперёк. Будто стругал фанеру. Никаких болезненных ощущений не было в тот момент, боль была только моральная. Словно всё горло охватило пламенем, а грудь собиралась раздробиться. Я упал в ванну и стал понемногу засыпать. Я смотрел сначала на яркую лампу, после вниз. Длинные брусничные линии захлёстывали чистые участки кожи. Кровь в этот момент мне казалась какой-то болотистой и тускловатой. Силы во

мне всё быстрее и быстрее гасли. И вот вдаль я стал видеть тонувший, одинокий, парусный корабль. Мне хотелось доплыть до него, но никак не удавалось. Я уже подготавливался к вечному покою. В этот момент из магазина вернулась бабушка и обнаружила меня всего окровавленного. Перевязав мне руки, она дала мне подзатыльник и сказала, что Господь может мне этого и не простить. Бабушка сказала, что таким образом я могу и не заслужить вечный покой. Я сразу же вытер слёзы, успокоился и застыдился, хотя в Бога тогда и не верил. Но после её рассказа, я и впрямь призадумался. Мне показалось, что это и вправду мой последний шанс. Я стал очень бережно и ответственно относиться к религии. Я узнал у бабушки множество аспектов Христианства, прочитал Библию, выучил множество молитв, стал посещать церковь, ходил на службу, занимался благотворительностью и многое другое. В этом я видел некую инструкцию. Я просто должен переждать всё это, а после получу заслуженный покой. Нельзя поддаваться греху. Пусть и не особо весёлая, но в итоге справедливая судьба. Шрамы же остались мне как урок на всю жизнь. Обе руки изрезаны вдоль и поперёк ярко-белыми и жирными линиями.

Часто при жестикуляции я встаю в театральные позы и принимаю вид полной уверенности в себе, не понятно для кого, но это не кажется глупым, а по своему колоритным и строгим. Возможно, этими псевдовыступлениями я выплёскиваю всю накопившуюся боль, все эмоции.

Детство и подростковые времена мои были довольно скучны. Каждый день ты приходишь в школу и молчишь, смотришь по сторонам и через какое-то время начинаешь разговаривать с самим собой, из-за нехватки в общении. Как не начнёшь с кем-то разговор, то он занят, пытаюсь сделать вид, что ты ему интересен, а некоторые даже не скрывают отсутствие заинтересованности. Но я же тоже человек, мне также нужно общение. А его нет. Помню, сажусь за парту и достаю свой черновик, в котором есть смешные карикатуры учителей, и порой некоторые одноклассники обращают на меня внимание. В этот момент я чувствую себя важным и полезным. Кто-то спрашивает, как я это нарисовал, кто-то просто громко смеётся, а кто-то уже бежит ябедничать учителю. Но через мгновение вся моя кампания уже перестаёт быть моей и медленно расслаивается на свои прежние ячейки, в которых они уже давно заняли места. Все, кроме меня. А я продолжаю уже с фальшивой улыбкой рисовать учителя математики с большим ртом и маленькими ручками. А сам он всё также с огромным интересом пытается донести в наши юные головы математические знания. Настолько умного человека в школе никто не видывал. Мои одноклассники часто шутили над ним, задавая вопросы, тянувшие время от урока. Всем нам казалось, если он начнёт объяснять что-то новое, и мы тихо уйдём, то он даже ничего не заметит. Даже новый математический закон откроет. Иногда мне становилось его жаль, но когда к нему на переменах подходила его жена, то

сразу становилось легче на душе. Видя, как они мило общаются, хотелось молча на это смотреть. Сейчас, когда я вырос думаю: «Даже этот алгебрафил нашёл себе жену, а я до сих пор один. Может он её себе через дискриминант нашёл?».

Когда уроки кончаются, ты берёшь свой портфель и брёдёшь домой, смотря на любовные парочки или на уличную кампанию. Тебе хочется испепелить их своим взглядом, но ты беспомощен. Не так грустно возвращаться домой – зимой. Наш город, связанный с таким неприятным явлением, как дикий и долгий холод, кажется всем ужасным и захолустным. Но для меня это только оболочка, за которой скрывается дивное, пусть и ледяное королевство. Я люблю город за его снежные пейзажи, ведь в них я вижу двух сестёр-уснувшую природу и её охранницу зиму. Белый снег на дороге кажется таким красочным и разноцветным, а фонари, покрытые периной, светят ещё ярче, словно сама прохлада указывает мне дорогу домой, чтобы она могла скорее вернуться к своей спящей сестре. Когда мои щёки обдувает холодный ветер, я понимаю, что зима не позволит мне нарушить сон природы, но так хочется остаться хоть на минутку и полюбоваться этой сестринской заботой. Но я также продолжаю понимать, что и тут мне не рады. Иногда зимой я встаю под свет фонаря и смотрю, то на пар, исходящий изо рта, то на трубы отопления, которые проходят вдоль наших маленьких гор. Долго не могу оторвать взгляд от этого. Я подхожу к этим трубам и взбираюсь на них. И иду так до дома в надежде

не упасть с них. Особенно приятно остановиться где-нибудь на середине дороги и приложить к трубе свою оледеневшую ручку, чтобы согреться хотя бы на пару секунд. Ты никуда не торопишься, ведь знаешь, что сейчас каникулы и тебе ничего не нужно делать и сдавать. Трубы проходят через весь город, поэтому это мой главный компас. За столько лет я уже выучил все места от школы, до дома. В самом начале пути маленький ларёк, где можно купить лимонаду и конфет за недорого, дальше музыкальная школа, откуда доносятся поначалу неумелые, но через время завораживающие звуки, на середине пути виден магазин игрушек, в котором мне подарили первую машинку, а вдалеке от него заброшенный и разрушенный завод, где когда-то я бывал и рассматривал уцелевшие механизмы и аппараты, за ним же стоит фундамент здания, которое начинали строить ещё до моего рождения, а уже в самом конце пути моя любимая площадка, на которой я и катался с горки, и ездил на лошадке, и качался на качелях, ел мороженное и просто наслаждался жизнью. А снег всё идёт. А через пару шагов виднелся мой дом. Вернувшись домой, ты понимаешь, что точно заболел, что ты весь замёрзший и в соплях, но довольный. Сейчас же эти все здания, то не работают, то служат для другого. Музыкальная школа превратилась в кафе, магазин игрушек постигла такая же участь, как и завод, на площадке, кроме гнилых лавочек ничего не осталось. Краска с зданий давно слезла, окна потускнели, а кирпичи раскрошились. С взрослением ты понима-

ешь, что краска слазит не только со зданий, но ещё и с тебя. Но когда кончаются каникулы, то опять начинается этот замкнутый круг скитаний. Опять тихое одиночество, жалкие попытки подружиться, а после долгая апатия ко всему. День за днём, одно и то же. Моя парта в середине класса не представляется без меня. Один в центре класса. В центре всего мира...ха-ха простите за пафос.

И вот странно только одно, что вроде ты никому не насолил, ты вроде как не вызываешь неприязни, а даже наоборот, но к тебе за стол никто не хочет садиться. Я общался со всеми, но при этом не имел друзей. Странно да? А вроде бы всё было схвачено. С друзьями я не пытался занимать лидерскую роль, как-то манипулировать ими и самым садистским считал играть с чужими чувствами, этого я никогда не позволял. И все вроде были довольны общением со мной. Всегда было о чём поговорить, куда сходить. Я часто предлагал довольно забавные и неплохие идеи, меня много кто поддерживал. Но стоило поделиться на пары, так я сразу же оставался один. Может я был слишком навязчив? Ну если выслушивать своих друзей, давать им выговориться, помочь советом или действием – это быть навязчивым, то тогда, да, я был очень навязчивым. А мне кто-то помог хотя бы раз!? Нет...меня просто забывали. Кричат о своих проблемах, которые яйца выеденного не стоят, а о других и не думают, и не вспоминают. Мне всегда приходилось скрывать свою грусть, чтобы поддерживать хотя бы какой-то интерес к своей пер-

соне, ведь когда ты грустный с тебя спросу нет, а когда ты весельчак и выдаёшь одни остроты, то ты нарасхват. Все забывали обо мне, и я не понимаю почему. Меня часто звали на вечеринки. Я чувствовал себя лишним, но все, абсолютно все, уверяли меня, что это не так.

И вроде даже, когда класс собирался компаниями гулять, я шёл с ними и над моими шутками смеялись, довольно-таки громко и натурально, я постоянно рассказывал интересные истории, половину из которых выдумывал, а мои недалёкие «друзья» велись. Мне даже давали прозвища. Меня часто называли «уголёк», «горелый» или «подГОРЕЛОВ», особенно когда я злился. Я мог терпеть эти нападки и даже вполне это иронизировать. Также я старался заступаться за всех, не только за друзей, но и слабых.

Помню был момент, когда моего одноклассника не особо худого телосложения стал прилюдно унижать какой-то отброс из более старшего класса. Повторялось это довольно часто. И один раз, этот самый старший вскричал что-то вроде «опять пузо набиваешь?!» и залился смехом. Мне надоел его постоянный дурацкий хохот, напоминавший утренний крик петуха. Я крикнул ему, что он простой выродок, который себе много позволяет и удивлённо подметил, что не ему предъявлять за чей-то вес, когда у самого мать весит за 200 кг. Все в коридоре замолчали. Шутки про матерей – бессмертная классика. По комплекции задира был больше меня. Он резко подбежал ко мне, а я не шелохнулся, лишь скрестил руки. Ни

капли пота не пробежало по моему телу. Он остановил кулак у моего лица, пробубнил что-то о встрече за школой и ушёл. Ненавижу видеть чьи-то страдания и ещё более я ненавижу тех, кто заставляет испытывать человека эти эмоции. Мне не хотелось становится рыцарем на белом коне, но раз всем плевать на этого парня, то почему бы и не рискнуть. И пускай все мои одноклассники завопили о том, как я уничтожил того парня, уважения или признания от них я так и не получил. Это была лишь временная похвала. Единственное, что было и вправду приятно – это улыбка моего одноклассника, которого наконец перестал унижать тот подонок. Может, и не зря я тогда вступился.

Свидания меня так же только с каждым разом убивали. Завести знакомство для меня никогда не было проблемой, но вот встретить ту самую. Вот это уже задача со звёздочкой. Знакомясь с новыми девушками, я делил их на три типа.

Первый-«недотроги». Девушки, которые строят из себя невесть что. Первый познакомься, первый на свидание пригласи, первый предложи тему для разговора. А ты тогда для чего нужна? Мне может и лобызать себя самому? Никакой инициативы и интереса. Справедливости ради такие скучные и безыдейные люди встречаются с обеих сторон, но только почему-то для девушек такой потерн поведения считается нормой, когда как для парня – это смертный приговор. К тому же такие недотроги часто строят из себя нечто претенциозное и требования у них высокие: «мол добейся ме-

ня сначала, соверши 12 подвигов Геракла, открой новый химический элемент, скрути сальто с закрытыми глазами, геройски избежь всех гопников во дворе и тогда, может быть, я позволю с собой встречаться», хотя на деле это пустышка, покрасившая себя в жёлтый, думая, что это золотой. Так ещё в придачу любят общаться какими-то намёками и знаками. Говорить одно и делать совершенно другое. Ведь люди уже давно разучились говорить напрямую? Может сразу на азбуку Морзе перейти? Ох, если бы мне хотелось поиграть в загадки и намёки, то я бы с политиком начал общаться.

Второй тип-«стокгольмские жертвы». Это не особо умные, на мой взгляд, девушки, которые постоянно выбирают себе в пару каких-то ублюдков. И я не преувеличиваю. Некоторые из таких «парней» могли и ударить свою любимую и плюнуть в неё. А она почему-то терпит, не уходит от него. Самое забавное, даже если ты вступишься за неё и вправишь мозги этой обезьяне, нацепившую оболочку человека, эта самая девушка начнёт кричать и злиться на тебя. Видите ли, набил хрюкало её уроду, ему же больно. А когда он об тебя окурки тебе не больно? Говорит: «Мы сами разберёмся!». Под «разберёмся» подразумевается, что вы выберете тот день, когда он тебя насмерть забудёт? Откуда в людях столько терпения и внутреннего садизма?

Третий тип-«невозможная роскошь». А вот это... просто хорошо. Без всяких «но». С такими девушками всегда прекрасно, как во сне. Жаль, что они редко, когда мне попада-

лись, но если и попадались, то с ними я проводил одни из более-менее хороших минут своей говнючей жизни. А после тех сладких моментов, наступал закономерный исход. То мы с ней ссоримся, и я не пытаюсь её вернуть, то она, как мне казалось, втирается в моё доверие. А иногда...иногда чувства просто охлаждаются. Это самое болезненное, ведь ты ничего с этим не сделаешь. Вот просто ничего больше не чувствуешь, сколько бы ты себя не обманывал. Так и живёшь день за днём, пытаюсь понять претрудную науку людских чувств.

Ещё в то время я хотел понять, что со мной не так. Иногда я обсуждал это с бабушкой или дедом, но они просто не знали, что делать, как мне помочь. В детстве от родителей я получил достойное воспитание не хуже, чем у дворянина, так что спихнуть это на избалованность был не вариант. За всё моё детство отец подарил мне две игрушки. В первый раз небольшую красную машинку. Во второй раз девчачью куклу, в наказание за сломанную машинку. «Пусть это будет тебе уроком, расточитель». Но я всё равно благодарен ему, всё же у меня была крыша над головой, еда и одежда. Но, разумеется, любил я больше маму. Вот, от неё я мог уже получить, хоть немного ласки и добра, но крайне мало. Отец не позволял ей меня изнежить. Ему нравилось давить на неё, чтобы причинять мне двойную боль. С самого детства он вбивал в меня умение быть самостоятельным и стремиться только к совершенству. Помню, как мы смотрели с ним «Мери-Поппинс», где играла песня «Леди совершенство» и отец вы-

дал:

–Ха-ха. Ты не заслушивайся, Димка. Тебе самим совершенством никогда не стать.

Но это всё пустяки с моим последующим будущим. Мама у меня не стало к 7 годам. Её убил какой-то шизоид с ножом, взявшийся буквально из ниоткуда. Этого подонка посадили в тюрьму, где его позже нашли со вскрытыми венами. Тварь...(в)скрылся от меня.

Я помню день смерти моей мамы как облачное и дождливое небо. Маленький мальчик сидит в своей квартире и смотрит мультики. Видя смешных нарисованных зверушек, которые быстро бегают, ему самому хочется пробежаться. Он вспрыгивает с кресла и начинает носиться по всей квартире под весёлые мелодии из телевизора. И вдруг он задевает столик, на котором стоит ваза с цветами. Конечно же, она трескается, и мальчик останавливается, чтобы рассмотреть из-за чего сегодня он расстроит родителей. Не успев даже заплакать, он слышит звонок в дверь. Открыв дверь, он видит соседку, молодую девушку, напоминающую маму. Соседка вся заплаканная, её грызёт чувство ответственности за каждое сказанное слово этому малышу. Её руки бледны и дрожат. Ей тяжело смотреть в глаза маленькому мальчику, который смотрит на тебя, как с иконы, и ничего не понимает.

–Дима...понимаешь, твоя мама ...Боже ты мой...

В попытках сдержаться она хватается ребёнка и начинает его крепко обнимать, чтобы успокоить хотя бы себя. Ей, про-

стой девушке выпало на долю такое испытание, к которому не будет готов ни один взрослый. Увидеть, как разрушается детская психика, как рушится фундамент ещё неразвившейся личности, как у него в глазах навсегда может угаснуть огонь. А малышок думает, что его родители узнали о сломанной вазе. Ему вновь представляются их грустные лица, их разочарованность в нём и в себе. Ему так не хочется их опять расстраивать. Ему хочется, чтобы они его любили, вот и всё. И он начинает громко рыдать. Вслед за ним начинает плакать и соседка. Даже в день смерти своей мамы мальчишка чувствует неподдельную вину, разочарование в себе... Он начинает извиняться вслух, невнятно выговаривать слова, надеясь, что родители его услышат и простят. Слов соседки малыш не слышит, да и не хочет. В его голове лишь повторяется фразы отца о стремлении к лучшему. Через пару минут ребёнок успокаивается и засыпает.

Просыпается же он позже, услышав чьи-то шаги в комнате. В комнате очень темно, ему виден только силуэт отца. Мальчик аккуратно зовёт его. Отец поднимает голову и пару секунд не двигается. Он подходит к ребёнку и тихо говорит: —Сынок, никогда не люби по-настоящему, тогда и в жизни не разочаруешься по-настоящему.

Он гладит сына по голове и накрывает его одеялом. Малыш вновь засыпает. На следующее утро отца нигде нет, а на столике, стоящем напротив кровати, лежит несколько купюр.

Больше отца я не видел, да и не очень-то и хотелось. Я сожалею о смерти мамы, наверное, после неё, я остался один во всём этом мире, в этот момент моя жизнь пошатнулась. Отныне до моих проблем есть дело только мне.

После смерти мамы и побега папы я стал жить с бабушкой и дедом, которые, впрочем, были не злыми, а безразличными ко мне. Скорее всего, потому что им самим приходилось сводить концы с концами и к тому же я свалился им на голову, как снег. Они были в обиде на своего сына, который взял и бросил меня. А я своим видом всячески напоминал об отце. Самому неприятно вспоминать. Всегда больно что-то вспоминать. Вспоминать, что на каждую твою заслугу самые близкий тебе человек реагирует мертвецкой радостью, с такой незаинтересованностью, что ты бросаешь все попытки привлечь его внимание своей любовью и желанием обрадовать. И что даже, когда тебя отдают к другим родственникам, ничего не меняется. В 15 лет я написал стих. В нём я выразил все свои чувства к одной девушке, мне хотелось услышать мнение деда и бабушки. Дед взял его, подержал несколько минут в руках и отдал мне. Сказал неплохо. Я знал, что он не прочитал ни строчки, потому что на нём не было очков. Бабушка же обещала прочитать, но позже, занята она была очень. По итогу так и не прочла. Тогда я понял, если человеку всё равно, то ему и яд сойдёт за стакан воды. Стих этот я выкинул и навсегда разлюбил поэзию. Той девушке я ничего не сказал.

Вот так я и жил. Спасибо им за то, что они взяли к себе и позаботились о мне. Меня обучили самопожертвованию, пониманию и выдержке и самое главное – вере. Вере в Бога. Иногда я прихожу в церковь, не помолиться, не на исповедь, а чтобы просто не чувствовать себя одиноким. Может рука Господа укажет мне путь? Я даю милостыню нуждающимся, отдаю старые вещи и т.д. Этим ребятам нужна ещё большая помощь, чем мне.

Наверное, я перебарщиваю с идеализацией себя, но я такой же простой человек, как и вы. У меня тоже куча слабостей и недостатков. Может я помогаю бедным, просто потому что мне скучно, а не из-за жалости. Справедливости ради, я довольно холоден к воспоминаниям о своих знакомых, девушках и т.д. Конечно, я им всем благодарен за всё, но я не хочу врать вам читатель, такой уж я человек. Когда ты перестаешь существовать для мира, тогда и мир перестаёт существовать для тебя. Но в обратном порядке это не работает. Я в безысходности, которая меня не хочет отпускать. Кто в это виноват? Я? Родители? Проклятье на мне что ли? В полном одиночестве сложно жить, и при этом в конце нас всех ждёт один и тот же исход. Смерть. Она всегда выжидает момента, чтобы поймать тебя в свои костлявые объятия и задушить. От этого никто не защищён.

Религия – это всё что у меня осталось. Она даёт надежду. Мне сложно представить, что после смерти наступает одна темнота. Единственная перспектива, которую я вижу так

это дожидаться своей смерти и отправиться в рай, я слишком много страдал. Учитывая, насколько наш город был жесток и опасен – это лишь вопрос времени. Конечно, это тебе не город в Бразилии, но рисков для жизни было много и есть, наверно, по сей день. Я всегда был подвержен риску, а мне хоть бы хны.

Однажды меня преследовал один мужчина, когда я был совсем мал, он шёл за мной от самой школы и до дома. Зайдя в подъезд, я ринулся бежать от него, позади слышались громкие и быстрые шаги. Забежав в квартиру, я запер дверь. Дома кроме меня никого не было. Этот жирный мужик стал смотреть на дверь, его лицо было видно через глазок. На следующий день, утром он стоял у моего окна и смотрел как будто бы на меня. Я жил на пятом этаже, но издали он всё равно выглядел пугающе. Больше его я никогда не видел.

Ещё помню, что иногда после уроков я со своими одноклассниками собирались в одну дружную компанию и просто бродили по городу ради развлечения. Помню, мы встретили бездомного, которого я часто подкармливал и перекидывался парой тройкой слов, но через некоторое время кто-то забил его насмерть. Мне его было искренне жаль, я хотел ему помочь.

В более старшем возрасте, я поздно возвращался из школы. Был дикий мороз, мне хотелось поскорей вернуться домой. Вечерняя стужа, чтобы вы думали? Я замечаю маленькую толпу. Трёх женщин и мужчину, стоящего на коленях,

который что-то неразборчиво лепетал и при этом громко плакал. Он был довольно пьян. Одна из трёх женщин неодобрительно смотрела на него, другая смеялась, а третья, та, что по середине пыталась отойти от него, а мужик продолжал тащить её за куртку. Пару минут я просто смотрел на эту картину, меня заметила одна из них и сказала мне, чтобы я шёл отсюда. Послушав совет, я быстро удалился от нежелательной, но в тоже время завораживающей компании. Буквально, через пару минут за моей спиной раздался хлопок, и нет не хлопок фейерверка или петарды, а выстрел из пистолета при чём многократный. После стали слышны крики женщин и ещё более громкий плач мужчины. “Он её убил!” крикнула одна из женщин. Мужчина продолжал кричать и плакать. Самым лучшим решением было не оборачиваться и не смотреть. Мне страшно было представить, чтобы было со мной если бы я там задержался на пару минут. Относительно недавно я узнал всю правду по поводу этого случая. Мужчина состоял с этой женщиной в браке, но вскоре она ему изменила. Он хотел её вернуть, но она ему постоянно отказывала. В итоге он решил попробовать в последний раз вернуть утраченную любовь, она всё так же ему отказывала, он решил отомстить и завершить свои муки, убив её. В нашем городе постоянно творилось, да и творится что-то подобное и непонятно почему. Вроде город благополучный и красивый, а живёт в нём такой сброд.

Со временем я рос, моя душа покрывалась шипастой кор-

кой недоверия со стороны всех. Не за горами был выпускной. Все уже определились с тем, куда поедут поступать и кем станут в будущем. Все мои одноклассники прощались с друг другом и плакали. Я нет. Мне было просто не с кем. Вот мы собрались всем классом в ресторане. Из всех сторон светят яркие прожекторы и лампы, играет громкая и заводная музыка, ученики танцуют и веселятся, учителя смотрят на это с улыбкой и слезами. Я вижу множество людей, которые явно знают о друг друге всё. Даже в периодической темноте я могу различить каждого. Кто-то закидывает руки назад, кто-то кружится в вальсе, кто-то просто топает ногой в такт музыки. А я... просто смотрю на это со стороны. Далеко от этой толпы. Не отрывая глаз. Не хочется подходить к ним. Незнакомцам. Для которых я и вправду лишний. Некого мне пригласить на танец. Все выглядят безликими, а я им неизвестен. Они кружатся друг с другом и даже не видят меня. Это целое отдельное тело, которое не примет меня к себе. Я начинаю чувствовать себя оскорблённо и просто ухожу, забрав бутылку алкоголя. Сажусь на бордюр и пью из горла пол бутылки коньяка. Так я и ушёл домой, расстроенный и пьяный. Долго я добирался, даже не сразу зашёл в дом. Я думаю, моего ухода никто и не заметил.

Прошли дни, и все разъехались по своим ВУЗам. Со мной связь, естественно, никто не поддерживал. Повторюсь, экзамены я сдал отлично, поэтому двери были открыты в многие ВУЗы нашей страны. Но ни один из них не был мне интере-

сен. Честно сказать, тогда я даже не знал, чем хочу заниматься по жизни. Мне ничего не было интересно. В итоге я так долго раздумывал, что просто со злости плюнул на всё это. Ничего не оставалось, и я решил пойти в армию. Дед с бабушкой, конечно, этому «слегка» не обрадовались, но мне уже было плевать. Чего терять-то? Надоели эти смазливые лица, это лицемерие день ото дня, настоящая попытка разбить своё чело перед кем-то, лишь бы попасть в этот жалкий кружок общения. Хватит! Может, хоть в армии я смогу понять наконец, чего же я хочу от этой мертвяцкой жизни! Поэтому я добровольно пошёл служить. Даже на какой-то промежуток во мне проснулись запал и энтузиазм! Ведь я искренне верил, что там найду своё призвание. К сожалению, тогда были совсем другие времена, не для таких наивных людей, как я. Пусть по ужасу и не 90-е, но это были их последствия. Там я получил урок, не тот, который бы я хотел, но тот, который был мне нужен. Одним словом – служба.

Я, как и остальные срочники, проходил курс молодого бойца. То ли направили меня не туда, то ли наш командир вылез прямиком с Цельнометаллической оболочки. Вёл он себя как настоящий бес, ему доставляло удовольствие нас давить. Что мы только с ним не делали. Мне-то было всё равно, терпение моё имело бесконечный фитиль зажигания, который никак не заканчивался, а вот остальные не выдерживали. Построения, которые тянутся, как резина, каждый час, строевые подготовки до посинения, смотры, уборка, наряды

и т.д. Типичная жизнь срочника. Топоринский часто наказывал нас из-за кого-то одного, и мы стояли по часу, не шелохнувшись. Как же меня раздражал этот старик, его мелкие глаза, которые так и бегают по тебе, чтобы найти какой-то изъян и наказать тебя. В нём скопились все стереотипы о военных. Его крик был подобен грому, который раздаётся в самый неожиданный момент. Но помимо него у нас была и другая проблема. Бывала и дедовщина. Дав отпор, я смог заработать себе авторитет. Я устроил драку прямо в столовой.

За мой стол сели бывалые служащие. Я не обращал на них никакого внимания. Но что-то им во мне не понравилось, поэтому они решили сначала по-доброму попросить, чтобы я отдал свою порцию. Я тактично отказал. Ну а что можно было ожидать далее? Они, не спрашивая, похватали мои тарелки. Я грубо намекнул им, чтобы они уходили. Один взял и уронил тарелку, явно нарочно и сказал, что я должен сегодня дежурить в столовой. Я от этого разозлился, но решил переждать. Может уgomоняться. Ага... Моя полы, я о чём-то стал задумываться. И опять ко мне навстречу подошла эта троица. Один из них, как только подошёл ко мне сразу ткнул в плечо. Он вёл себя, как чёртов Ноздрев. Я отбросил его руку от себя. Эта толпа стала нависать надо мной. Один взял и пнул ведро с водой прямо на меня. Я же немного постоял, а потом и улыбнулся.

—Смешно тебе?

—С таких клоунов и смеяться не грех.

И понимая, что я сказал, моё тело приняло удар в живот. Я немного сконфузился, и один из них взял и вылил оставшуюся воду из ведра прямо мне на голову. Я быстро встал и ударил его в глаз. Он сразу же сдулся и отпрянул назад. Стоявшего рядом я схватил за горло и стал твёрдо душить. Последний взял меня в захват и ударил по носу. Резкая и быстрая боль пронеслась по всей моей переносице. Пару секунд я не мог шевелиться. Он продолжал бить меня по лицу. С каждым ударом я чувствовал, как он подбирается к моим глазам. Второй подошёл и стал также бить меня в живот. Я уже стал плевать кровью. Но сделав резкий рывок и ударив переднего ногами в живот, я вырвался. Я стал бить заднего в лицо со всей силы. С каждым ударом этот придурок конфузился всё больше и больше. Второй же собирался на меня прыгнуть, но я ударил его локтем в пах. Он отошёл на большое расстояние. Я же принялся добивать, по всей видимости, их главаря. Я взял ведро и стал бить им по его голове, пока оно не треснуло, и я достал осколок.

—Если ты достал заточку, то должен ей воспользоваться, да? Но я могу сделать исключение. Ты понимаешь, идиот?!

Он же просто дрожал от страха.

—Вам всё понятно, «солдатики»?

Оба покивали головами. Они дрожа подняли лежащего и ушли. Я же пошёл в уборную за новым ведром. Кто-то же должен был оттереть всю эту кровь. В этот же день правда вскрылась. То дежурный услышал их стоны, то кто-то ря-

дом проходил. Это же армия, слухи здесь распространяются быстрее, чем в императорском дворце. В оправдание я и эти «дедушки» сказали, что мы неудачно тренировали приёмы рукопашного боя. Конечно, нам не поверили. Мне сделали выговор и отправили на 20 дежурств вперёд, чудом дисбата избежал. Зато мои однокашники меня хвалили. Так я и занял пусть и не высший социальный статус, но явно почти выше среднего. Правда даже при этом со мной почти никто не общался. Может боялись?

Был ещё случай. Я «прогуливался» по роте и вдруг услышал странный плач. Доносились они из оружейной. Я удивился, что она была слегка приоткрыта. Разум подсказывал мне позвать кого-то на помощь, но звуки чьих-то страданий притягивали меня, как магнит. В оружейной был мой сослуживец. Он стоял ко мне спиной и что-то бубнил. Никого не было рядом, странно это. Я окликнул его. Это был Сидорин, я мало его знал и с ним особо не разговаривал, как и все мои сослуживцы. Он обернулся, его глаза были полны безумия и отчаяния, которые так и хотели тебя съесть. Ботинки были в крови. «Убивец» как я его потом прозвал обернулся ко мне, в руках у него был заряженный автомат. Он посмотрел на оружие, а потом резко на меня. Далее всё произошло буквально в трёх кадрах. Он нацелился. Выстрелил. Промазал.

От неопытности и неумения нормально держать оружие он выстрелил в метре от меня. Пули вонзились в стену. Его слегка откинуло в сторону из-за отдачи. Я же для себя понял,

что не особо похож на мишень, а поэтому решил здесь не задерживаться и отпрыгнул из оружейной, параллельно закрыв за собой дверь. “Стой Горелов!”-прокричал он. Я быстро побежал к Топоринскому, он сидел у себя в кабинете и пил чай.

–Горелов?! Пошёл вон отседова иначе...

–Товарищ майор...там убийца бродит... -перебил я его.

–Как это понимать?! –он приподнялся и упёрся руками в стол.

–Сидорин, весь в крови и достал автомат...

–Тьфу –вырвалось у него, а потом он по-настоящему плюнул.

Он взял фуражку и захватил пистолет, я понимал, что без крови дело не закончится. Мы пошли с ним по коридору. Я объяснил майору всё в красках после чего Топоринский скрючил такое лицо, что даже мне стало страшно. Мы пришли в оружейную, но Сидорина уже след простыл. Вдруг мы слышали крики и выстрелы.

Мы побежали, по пути встретив одного солдата. Он был в полной панике и ничего не мог внятно объяснить. Топоринский ударил его по лицу, не помогло. Снова стали слышны крики уже довольно близко. Мы пробежались по коридору и остановились у двери, из которой и были слышны выстрелы. Я аккуратно посмотрел из-за двери, одной секунды мне хватило, чтобы ужаснуться. Такой казни я нигде и никогда не видел. Лицо Сидорина было залито кровью, из глаз текли слёзы. Он стоял на диване, вокруг него лежали трупы,

распотрошённые и вывернутые, как будто он был профессиональным мясником. Топоринский отпихнул меня и повертел пальцем в области веска. Через пару минут мы услышали приближающиеся шаги из кабинета, майор понял, что надо действовать. Я поражался смелости своего командира, его действия были точны и уверены, в нём не ощущалось никакой напряжённости и страха. Как только Сидорин вышел из кабинета, майор схватил его и нацелил пистолет у затылка. Я был обескуражен. Сидорин не успел нацелить автомат на меня, поэтому всё было схвачено. Неожиданно кто-то душевраздирающе завопил из кабинета, что заставило майора выпасть из колеи и на секунду вздрогнуть. Сидорин знал, что ему делать. Тогда я понял, что мне конец, но на удивление он решил убить сначала Топоринского, наверное, майор слишком его раздражал. Сидорин обернулся и убил командира.

Я видел, как куча патронов разрывают тело майора. Пусть Топоринский и был строгим, но мне казалось, что даже он не заслуживал этого. Видимо, сам Бог дал мне возможность жить, я решил не игнорировать удачу и поднять пистолет с пола. Когда я уже поднял пистолет, на меня смотрела мерзкая и ужасающая улыбка Сидорина. Он дрожащими руками держал автомат, направленным на меня. В глазах читалась непредсказуемость. Он стал подходить ближе к дулу пистолета, буквально упираться лбом в него. Поехавший решил меня запугать, но это прозвучит, скорее всего, безумно, но мне было сначала страшно, а потом...Как будто что-то от-

пало в моём сознании. Я перестал видеть в нём человека, а только маленькую угрозу, которая стояла на моём пути. Он стал улыбаться, когда я прижал пистолет к его лбу. Сидорин что-то лепетал, я не слушал. Во мне была борьба между омертвлением и спасением. В моей голове прокрутились все воспоминания о всей той боли, которая накопилась за столько лет. Одиночество и только – это вся моя жизнь.

–Что – заканчивая кривляться передо мной, подытожил Сидорин.

Убийец быстро поднял автомат и почти нажал на курок. Мои глаза на секунду задрожали, а потом я...я сам нажал на спусковой крючок. В момент выстрела я успел увидеть, как его лицо изменилось от полной уверенности, что я не выстрелю, до первобытного страха, как будто я был ярко вспыхнувшим пламенем, которое могло полностью его испепелить. Пуля прошла насквозь. В итоге от его прежнего безумного лица остались только мёртвые глаза да широко раскрытый рот. Тело сразу упало на меня, я резко его отпихнул. Труп упал на пол к телу майора.

Именно в момент выстрела я потерял страх навсегда. Возможно, в этот момент на моём лице могла выступить улыбка. Звучит пугающе, но выстрел спас мне жизнь от этого психа. Я забыл навсегда, что такое страх. Это было моё первое и надеюсь последнее убийство, которое не принесло мне страданий. Я присел и призадумался, облокотив голову об стену. В голове пронеслось: «Гадство». Я потерялся во времени. По

итогу меня задержала военная комендатура. Шли долгие допросы, разбирательства, но слава Богу в части были камеры наблюдения. Отсмотрев их, органы поняли, что я не виноват, по итогу никаких судимостей не получил, хотя было ещё за что. Я что должен был дать ему убить себя? Хотя сейчас это и не кажется такой плохой идеей.

Через пару дней приехала жена Топоринского. Она была очень расстроена, что офицера, участника боевых действий, убил прыщавый психопат. Я тоже расстроился бы. Позже выяснилось, что Сидорин сначала хотел просто притвориться психически нездоровым, чтобы его выпустили из армии, но ему и притворяться не пришлось. Он убил дежурного по роте, зарезав его, как свинью, в уборной и украл ключи от оружейки. Сначала Сидорин хотел просто убить Топоринского или кого-то другого и спихнуть всё на раздвоение личности или вроде того, но по всей видимости ему понравился вкус крови. Тяжело это признавать, но мне этот вкус тоже очень понравился. Убийца просто очень хотел поскорее вернуться к своей маме. Вот кто-то ему и посоветовал это идиотское решение.

Наконец служба закончилась, я не вспоминал об этом случае долгое время, да мне и не было за что раскаиваться. Может в закромах моих чувств есть некое ощущение вины за этот поступок, но я этого не ощущал.

Разочаровавшись в службе, я от нечего делать поступил в Московский ВУЗ. Всё вспоминал слова отца о необходи-

мости высшего образования. Настолько смутны мои воспоминания, что мне даже нечего вам рассказать, мой читатель. Приехав, я сразу почувствовал себя чужим, в таком гигантском улье или муравейнике. В своём городе Москву я мог только рассмотреть по телевизору или на марках.

Жил я в общежитии, с соседями поддерживал отношения средней паршивости, а об одноклассниках и говорить не хочу. Да и зачем о грустном? Мы виделись с ними на занятиях, этого и достаточно. Учёба в ВУЗе была такой же, как в школе. Не по уровню сложности. Новых знакомств я так и не завёл.

Наконец, отучившись, я получил диплом, поскорее забрал все свои вещички и вернулся в свой родной город, в дедовскую квартиру.

Зайдя в квартиру, я сразу же кинул диплом на стол и лёг на кровать, смотря в потолок. Несколько дней я просто радовался возвращению на малую Родину. Но деньги же надо-то откуда-нибудь брать? И я устроился работать учителем... догадайтесь чего? Правильно, учителем физкультуры. Забавно да? Из моих ярких и сентиментальных речей вы скорее всего подумали, что я какой-нибудь историк или литературовед. Но проблема в том, что я сам относительно недавно стал увлекаться чем-то подобным.. До этого я знал базовые вещи и стоял на распутье-деградации или развития. В школе я преподавал физкультуру и обучал подрастающих обалдуев. Как мне нравилось издеваться над этими немощными, кото-

рые не то, что отжаться, даже скамейку поднять не могли! Конечно, издёвки были в пределах разумного. Вроде лишнего подхода отжиманий или дополнительного круга при разминке.

После того как я приходил домой, я включал «ящик для отупения» и не сказать, что прямо этим наслаждался, но альтернатив я не видел. Пока в один момент не решил попробовать что-нибудь новенькое.

Я увидел книгу, лежащую на той самой полке, где обычно лежал только всякий хлам, который непонятно зачем я храню. Я давно хотел избавиться от этого мусора, который меня раздражал. Я взял книгу, конечно же, первобытное любопытство победило, и я открыл её. Мне сразу же вспомнились мамины сказки, как мне нравилось, что она мне читала маленькие истории, через которые я чувствовал эмоции и переживания других, интонации мамы, её забота. Вновь во мне проснулось чувство любви узнавать что-то новое.

Я быстро пробежался глазами по страницам и закрыл книжку, но через пару минут вновь открыл её. Я успел заметить одну интересную строку. Какую именно уже не вспомню. Но самое главное это был переломный момент в моей жизни, после этого я читал и читал. Как будто для меня открылись новые дороги, которые так и звали меня. Кажется, в этот момент я совсем изменился. Я прозрел и стал отстраняться от общества ещё больше. Оно не хотело меня принимать, а я устал бороться то ли с ним, то ли с самим собой.

Я не хочу сказать, что книги – это универсальный источник знаний, но для меня он стал уникальным, в смысле особенным. Интернет ещё тогда не был сверхбыстрым, а по телевизору редко крутили что-то кроме сериалов и всяких бредовых шоу из разряда «бухие ведущие и бухие участники трахаются и ругаются между собой на райском острове и получают за это неплохой гонорар». А книги в наше время имеют такой гигантский культурный пласт и жанровое своеобразие, что аж слюной исходишь.

Я приходил на уроки с книгой, беседовал с учениками, начал часто общался с учителями литературы. В итоге я понял, что нужно менять свою жизнь. Мне пришлось уволиться и найти нормальную работу.

Пару месяцев спустя, имея нескудный запас знаний, я устроился работать в...забегаловку официантом. Даже...как-то...предсказуемо. Эти изматывающие будни официанта – постоянный недосып, маленькая зарплата, орущие начальники, словно я опять вернулся в армию. Помню, у нас ещё была молоденькая и злобная администраторша, от надменности, которой блевать хотелось. Она была младше меня лет на пять, но я был вынужден привыкать обращаться к ней на «вы». В одну ночь я совсем не выспался. Пришёл раньше всех, ну и сел за стол, чтобы немного отдохнуть. Я даже не успел заснуть, как через пару секунд передо мной возникла она. Эта маленькая вредная дрянь.

–Горелов, почему спишь?

Я ничего не ответил и просто встал. Когда ты сонный, время тянется, как резина. Закрывая каждый раз глаза, ты рискуешь уснуть, даже не заметив этого. Хотя уснуть было сложно, слушая голос нашей администраторши. Многие говорили, что туда её пристроил парень.

Пытаться не засмеяться, когда тебя отчитывает дитя — , пожалуй, сложнейшее искусство. А при клиентах она вся слащавая, сахарная, что получить кариес после общения с ней было не сложно. Выдавливает из себя миленький голос, улыбается всем, а как на нас смотрит, будто на негров в шахте. Это меня так раздражало, что через пару месяцев я содрал с себя клеймо тряпки для пола и ушёл оттуда. Я был в такой нищете, что иногда верилось, что вот он, конец. Да с финансами стало совсем худо, но прошло ещё пару месяцев, и тогда магниты поменялись полюсами и стали притягиваться.

Я решил писать статьи одному издательству, которое стало щедро платить мне. Писал я на многие темы — политические, экономические, социальные, но больше всего я любил писать про культуру, особенно про литературу. С какой усладой я либо хвалил автора, который мне понравился, либо топил в едкой иронии и резкой критике. Статьи я выпускал очень часто, так же я иногда переводил их на другие языки. Работал я много и безостановочно, но оно того стоило, ведь, во-первых, мне это нравилось, во-вторых, зарплата меня устраивала. Конечно, я не стал миллионером, но я всегда

мог позволить себе посетить элитный бар, покупку хорошей техники, пищи, и мебели. Через пару лет я смог обустроить свою квартиру, как всегда, мечтал об этом. Аккуратный декор, с большой библиотекой. Но почему-то всегда в квартире создавалось ощущение пустоты. Не понимая почему всё так складывается, я всё больше и больше скупал мебели и декора, но пустота никуда не исчезала. Как будто моя квартира была склепом, да нет, даже в склепе не так одиноко, как в моей квартире.

И что по итогу? Прескверная судьба... Несмотря на деньги и связи в издательстве у меня до сих пор нет того, кому я могу доверять или любить. Только и остаётся посещать публичные дома, чтобы утолить хотя бы нужду в плотских утехах и наконец перестать верить в своё светлое будущее. А зачем? Кому не плевать на «одиночку Горева»? Чувствительная душа помогла бы мне, но эту душу я никогда не встречу, потому что я в аду. Я не с кем не общаюсь. Нет, иногда, конечно, у меня узнают сроки выхода статьи, тогда да, со мной хоть кто-то говорит. Я не понимаю этой справедливости, почему-то одному дают толпы друзей, а другому только треснувшее зеркало, в котором даже твоё отражение не хочет говорить с тобой. Я не понимаю, может мне нужно прыгать на шею к людям, чтобы меня хотя-бы кто-то мог принять. В жизни случается много проблем, тревог и забот, но мы справляемся. Всегда есть поддержка. А когда её нет, то крутись как хочешь. Крутись на грязном шесте, который на-

зывается жизнь, зарабатывая деньги.

Аллея. Это слово у вас явно ассоциируется с чем-то красивым и поэтичным. Но только не у меня. Мою жизнь можно описать как человека, который засунув руки в карманы, идёт по бесконечной аллее одиночества, идёт надеясь, что эта аллея закончится, ведь вдали он видит одинокий фонарный столб, он продолжает идти. И знаете, что? Аллея эта и вправду не бесконечна в конце неё стоит столб, торчащий из пропасти, дыры, которая ведёт неизвестно куда, скорее всего в забытье, которое забирает путника навсегда, и никто о нём не вспоминает.

На днях я решил, что нужно опять предпринимать какие-то решения для спасения от самоубийства упаси Господи. Это слишком давило на психику, как враг, который хочет разmozжить твой череп ногой. Надеюсь, я смог вызвать хотя бы какую-то симпатию, но только не жалость. Хуже жалости ничего для меня нет, это показывает меня слабым в ваших или в моих глазах. Я благодарен вам мой милостивый и уважаемый читатель, что вы слушаете мои мрачные и тёмные мысли.

Завтра я хочу съездить в свою старую квартиру. Хочу вспомнить о жизни в родительском доме. Потом отправлюсь в путешествие по городу, может это чем-то поможет моей измученной душе. Потом отправлюсь в Испанию. По советам многих психологов для лечения своей больной головы и решения многих ментальных проблем стоит менять обста-

новку, чаще выходить на улицу, а солнечные лучи особенно полезны для психов, как я. Ну, конечно, гигантская звезда в небе, которая через несколько миллиардов лет уничтожит нашу планету, поможет мне опять улыбаться, когда я смотрю в зеркало. Но всё же в Испании мне, пожалуй, давно хотелось побывать. Там тепло, есть красивые места, новая культура и любвеобильные девушки. Хотя любовь в моём случае что-то из ряда фантастики.

Уж если я себя не полюбил, то и никто не полюбит...

ПРОКЛЯТЫЙ ДОМ

Вчера я съездил домой. Обычно у людей остаются тёплые воспоминания о доме, но у меня только остались холод и боль. Ничего больше.

Вечером я стал одеваться, накинул серый свитер и тёмно-синие джинсы. Я приехал по старому адресу, который никогда уже не смогу забыть. Здание было не особым примечательным и довольно заброшенным. Большая, серая коробка с выбитыми стёклами. Любой мальчуган, увидев такое здание сразу же захочет посмотреть, что находится внутри.

Я зашёл внутрь и стал подниматься по лестнице, сердце нисколько не билось в ожидании потока ностальгии. Единственная ностальгия была по всем панелькам. Эта атмосфера гнетущего, но одновременно преданного городка всегда влюбляла в себе. Пока какой-то француз жалуется на царапину возле входа в Лувр, я люблюсь всем уже давно знако-

мой и обшарпанной подъездной лестницей. Где бывали редкие встречи с моими друзьями и девушками. Вспоминая это, мне иногда и вправду становится легче.

Я поднялся на нужный этаж, всунул ключ и дверь отперлась. Дома так же стоял чистый воздух, потому что окна были разбиты. Это была типичная хрущёвка, с двумя маленькими комнатами, моя и родительская. Я сделал маленький обход по кухне, зашёл в туалет, где была огромная крыса, которую я не стал тревожить. Ненавижу грызунов, но я решил оставаться спокойным. Я притворил дверь своей комнаты, она была довольно пуста даже в тот момент времени, когда я в ней жил. Комната была меньше родительской, в ней были стол, да кровать, а я и доволен. На полу валялись осколки стекла, разные книжки, порванная одежда, сломанная техника, картины. Ничего интересно, фактически огромный полигон для мусора. А нет! Это та кукла, которую подарил мне отец в наказание за сломанную машинку. Жаль, что у меня не было возможности обменять её на что-то более интересное, поскольку отец меня бы сам в куклу превратил за такое отношение к купленным вещам. Да уж, кукла выглядела также потрёпанно, как и я сам. Ей только мешков под глазами не хватало и сигареты в зубах. Ну вылитый неудачник Горев.

Я отложил куклу в сторону и продолжил бродить по комнате. Всё же я помнил о той коробке, которую запрятал во время переезда. Подойдя к своей кровати, я увидел свой тай-

ник. Оторвав обои, я достал коробку. В ней лежали письма и переписки с моими фанатками и девушками. Я понюхал их, они так же пахли различными духами, но этот запах почти не ощущался, он почти выветрился и заменился древесиной. Так же там лежали различные знаки внимания. Носки, галстуки открытки и т.д. Да уж не самые лучшие подарки, но всё же для меня главным было внимание. Эта коробка давала хотя бы какую-то нежность и стихийность для моей грустной рутины. В общем в этой коробке лежали остатки хоть каких-то тёплых ощущений. Она была каким-то сосудом, который хранил всё хорошее в моей жизни. Единственная вещь, которая всегда могла меня успокоить. Когда я хотел покончить со всем этим и умереть, она остановила меня. Я крепко сжимал её.

Я зашёл в комнату родителей, там была большая кровать, большой компьютерный стол, полка с книгами, комод и т.д. Говорю же типичная хрущёвка. Я подошёл к столу, тщательно осматривая то количество пыли, которое заполонило его. Я заметил встроенные ящики и выдвинул один из них. В нём лежали записки, с отцовским почерком. Я достал их. Начал читать. Лучше бы я этого не делал.

С каждой прочитанной строчкой мне становилось только хуже. В ней отец писал о своей безысходной жизни, которая ему наскучила, как и мама. Мои проблемы и попытки заставить гордиться мною он описывал как раздражающие его вещи. Он перестал любить меня с 4 лет. Я только и делал, что

тянул его вниз, в скуку. Семейная жизнь ему наскучила, к тому же обеспечивать нас двоих тяжело. Состояние мамы, он описывал как нервное. Поначалу она сдерживалась, чтобы терпеть выходки отца, его любовниц, его жестокость ко мне, но со временем ей становилось всё хуже и хуже. Она хотела развестись с отцом и забрать меня, но только она не знала, а на что бы мы с ней могли выживать в такие трудные времена. Зарплата отца – была единственной причиной терпеть все его издевательства. Отец тоже решил не уходить из семьи только из-за какого-то чувства долга перед мамой. Мама надеялась, что в будущем найдёт хорошего человека, с которым у неё получится создать настоящую семью, но вы, любезный читатель, знаете, что произошло.

Отец писал о том какой он ужасный и безответственный человек. Он надеялся только на то, что его ребёнку не передались его гнилые гены. Спихнуть...он буквально хотел от меня избавиться. Я был помехой, с которой только и нянчились из-за жалости. То есть все мои попытки заставить уважать себя и гордиться были изначально безуспешны? Я знаю он бросил меня ещё ребёнком, но я думал, что он просто не смог смириться со смертью мамы, а тут...

Злость вскипела во мне, и я ударил кулаком по столу. После такого удара, старый стол треснул и почти развалился на две части. Подняв обломок стола, я кинул его в стену. На секунду мне захотелось заплакать от ненависти ко всему этому чёртовому миру, но, сжав кулаки, я сдержался. Это

очень неприятно, буквально кажется, что ты сжимаешь сердце, лишь бы ничего не чувствовать. Через пару секунд из различных мест вылезли жуки, тараканы, крысы и другая дрянь. Мне было плевать. Я достал сигарету и закурил, посматривая в окно. Вот оно ощущение того, что целый мир тебя ненавидит без ведомых на то причин, когда ты сдерживаешь свои слёзы и чувства, пряча их за маской радости, чтобы понравиться людям, которым нет дела до тебя. Они только и плюют тебе в лицо, а ты садишься на колени и просто в одиночку сходишь с ума.

Рядом с окном лежала моя кукла. Я вновь словил приступ обжигающей ярости и начал бить куклу об стены, подоконник и пол.

–Что малыш Горев сейчас расплачется, да?! – кричал я на всю квартиру.

Запыхавшись, я остановился и длительно стал всматриваться в глаза уже изорванной куклы.

–Ну так катись реветь в другое место, леди несовершенство! – крикнул я на куклу и со всего размаху выбросил в окно, – гадство.

Я достал записку отца, сначала крепко сжал, а затем поджёг. Я присел и глубоко выдохнул. Мои очи уставились на пол, рядом ползла кучка тараканов. Даже тараканы вместе, а я один.

В итоге я забрал коробку и покинул эту проклятую квартиру. Я всегда был один, эта мысль вертелась в моей голове

весь вечер и всю ночь. Значит это конец печальный? По итогу я приехал домой расстроенный, быстро разделся, кинул коробку на стол и лёг спать. Я даже мыться не стал. Я быстро погрузился в сон и ушёл в забытие. Мой очередной случай нервного срыва.

Мне стал сниться сон. Я в тёмном помещении, нога прикована цепями. Понемногу я смог разглядеть помещение, это была избушка то ли дача. Мне становилось не по себе. Я стал кричать и брнчать цепями, пытаюсь вырваться. Кто-то зашёл в комнату. Это был мой отец, нет мама, стоп...его лицо менялось очень быстро. То бабка, то дед. У него под глазами были большие мешки, сами глаза светились, как два мёртвых огонька. Непонятно что это за существо. А затем у него стали вырастать головы, шеи которых стали заплетаться в узел, причём не в один, а в бесконечно много, его шеи только удлинялись, а узлов становилось всё больше. Я стал кричать о помощи. Это существо приблизилось ко мне. Окинув меня множеством перекошенных взглядов, то ненависти, то насмешки, существо схватило меня. Я чувствовал только холод, через сон. Моё тело лихорадило. Я стал отталкивать его от себя и пытаться сбежать. Вдруг он ушёл в другую комнату.

Рядом я заметил топор и потянул руку к нему, но расстояние было слишком большим. Через пару минут зашёл или зашла та мерзкая фигура, но ещё с более искривлённым лицом. За собой оно несло длинный, покрытый паутиной, коричнево-тёмный гроб. Сердце заколотилось. Что мне де-

лать? Оно стало подходить к топору, потом остановилось и уставилось на меня тупым взглядом. Оно хлопало в ладоши и смеялось. Затем вообще стало показывать гримасы. Меня это честно уже стало раздражать. Я решил не медлить и сделать резкий рывок. Я схватил одну из шей твари и ей смог подтянуть к себе топор. Тварь упала на спину, стала кричать и ворочаться. Я ударил по цепи топором и освободился. Я оглянулся, из избы был один выход и его загораживала безликая тварь.

– Придётся прорубать себе путь! – крикнул я во сне.

Удар топором пришёлся в лоб, он рассёк всё лицо этого дикого существа. Крови почему-то не было, даже маленькой струйки. Я быстро выдернул оружие. Существо как будто снова ожило. Я вновь ударил, но особого эффекта на тварь это не производило, потому я начал бить топором быстрее, разрубая голову пополам. Череп стал превращаться в кашу из мерзкой слизи красного оттенка. Я не мог остановиться. Мне с каждым ударом становилось легче, я хотел только продолжать бить этого призрака. В итоге оно упало замертво на пол. Этого было мало. Я раздавил голову ногой, после чего протёр голую ступню о пол. Я ничего не чувствовал кроме удовольствия.

Вскоре, когда я закончил наслаждаться этим пиром из крови, дверь избы медленно приоткрылась. Я пошёл к ней, почему-то мои шаги замедлились. Я стал смотреть по сторонам. На стенах висели портреты знакомых мне людей, но в

то же время они казались абсолютно чужими. Многие вещи в избе были декором моей старой квартиры, моих детских вещей. У выхода лежала моя заветная коробка. Я стал понемногу приближаться к выходу. Позади раздался ужасный голос. Он что-то неразборчиво говорил, я не слушал его, шёл вперёд. Вдруг впереди вспыхнуло яркое пламя. Оно быстро распространилось по всей избе. Огонь обвивал мои ступни, а я только чувствовал необычайную лёгкость и некоторую приподнятость. Я смело ступал по этому адскому полу. Что-то схватило меня за плечо. Это была моя кукла. Её тряпичное и потрёпанное лицо держало эту вышитую крестиками улыбку. Один глаз-пуговка отвалился. Кукла пыталась порвать меня, как я её. Я даже слышал звук расходящихся швов. Я вырывался из-за всех сил, но кукла была сильнее. Резко я почувствовал острую боль, настоящий огонь охватил всё моё тело. Глаза неестественно широко раскрылись, я стал выпячивать язык. Я не мог себя контролировать. Вместо рук я видел огромные кожаные пузыри. Я глубоко вдохнул и побежал через весь огонь. Мне было необычайно больно. Я ослеп на половину. Кислорода становилось всё меньше и меньше. С каждым шагом я замедлялся, рука куклы была, как трос, который пытался застраховать меня от спасения. Из последних сил я сделал рывок и буквально обрушился на дверь всем своим весом, перекусив перед этим зубами руку куклы.

Выбив дверь, я упал на землю. Изба продолжала гореть,

а в проходе всё так же стояло непонятное существо и кукла. Они только успели сделать жуткие гримасы улыбки и пропасть в языках пламени. Вдруг зрение вернулось. Ко мне подбежало двое людей. Мужчина и женщина. Их лиц я не мог различать, только слышал их голоса. Один мужской, пропитый и немного хриплый. И прекраснейший женский, такой нежный, что уши мои могли только наслаждаться им. Они помогли мне подняться и оказали помощь.

Я резко проснулся. Всё тело было в поту и чувствовался сильный озноб. Но чувствовалось это по-другому, как нечто хорошее. Как будто во всём моём теле произошли коренные перемены. Как будто каждая гнилая ниточка Горелова заменилась на прочнейшие прутья. Я умылся и опять лёг спать. Не помню уже, что мне снилось, но этот сон был такой сладкий и приятный. Мне совсем не хотелось просыпаться, но всё ж пришлось. Всё же я пообещал сам себе начать ходить и гулять. Проснувшись, я стал собираться.

ГЛАВА 3 «ЕВГЕНИЙ ВЕРНОЙ»

Я считаю, что эта запись вполне важна. Ей я хочу уделить должное внимание. Похоже это один из переломных моментов моей жизни. Пока что я не хочу делать громких заявлений и спешить раньше времени, но если всё так и останется, то похоже тогда я смог снять проклятие. Господи, лишь бы это была правда. Ах да, что-то я затянул со вступлением. Прошу прощения.

После того ужасного, а затем сладкого сна, мне очень хотелось кофе. Я сделал его себе покрепче, как я люблю. Ничего более в мой завтрак не входило. Будто горечь кофе, сможет перебить горечь жизни.

Насладившись завтраком, я стал одеваться. Накинул чёрный фрак, пальто того же цвета, чёрные брюки, туфли и кожаные перчатки. Редко выхожу без перчаток на улицу, если уж совсем жара, сегодня было как раз прохладно. Прогуливаясь по городу, я наблюдал скучные, но при этом любимые сероватые панельки. Люди также напоминали дома, в которых они жили, такие же серые, бледные, обезличенные. Гуляя без определённого маршрута, я попал на местный рынок с множеством прилавков. Фрукты, овощи, соленья, рыба, мясо, молочка, носки и шапки, сигары и эротика – ну вы знаете, всё по классике. Вот это жизнь у людей, с утра пораньше приходят и пытаются урвать каждую копейку. Вряд

ли у них хоть минута есть на какую-то там рефлекссию. Завидую им. Такое ощущение, что только я, как унылый кусок дерьма, слоняюсь по этой планете.

Товары на прилавках были совсем не аппетитны. Вот, к примеру, обычное яблоко. Я более чем уверен, что в нём есть червь, уставший и побитый жизнью, как и я. «Зато оно натуральное». Ну что вам сказать, пожрите земли, она тоже натуральная, без антибиотиков и ГМО.

Рядом с фруктами лежала свежая газета. Я уставил свой взгляд на продавца, а потом на новостное чтиво. Он был не против. В газете были одни показатели нашего ВВП, похвалы президента, новый запуск ракет, очередная конференция, где Россия вышла «победительницей», хотя это были переговоры об введении санкций Германией против Испании. Кроме жалкой попытки вызвать патриотизм в новостях, как обычно, ничего не было. Город пребывал в сонном, но слегка торопливом состоянии. В общем – будни. Ах эти серые будни в серых днях в серой жизни.

Я пошёл дальше и вдруг вижу потерянное маленькое существо – плачущая девочка, лет пяти, шести. Я поглядел по сторонам, все проходили мимо неё.

–Что случилось, малышка? –спрашиваю я.

–М...меня...я... -она не могла нормально говорить из-за своего плача.

В голове только и была мысль о том, что пройти мимо или оставить её кому-то другому, но какая-то маленькая часть

моей души не позволяла этого сделать.

—Как выглядели твои родители?

—Они...они...тут были....а потом

Я присел рядом напротив неё.

—Послушай...как тебя зовут?

—Злата...

—Злата, я хочу помочь тебе, опиши своих родителей.

—Папа такой высокий...а мама...

—Номер их хоть помнишь?

—Решётка, плюсик...один

Бесполезно, она говорить еле может. Я поднялся и решил подождать её родителей. Прошло минут 10, они всё никак не находились. Я кивнул ей, мол пошли, и повёл в полицейский участок, который как раз был в пару метрах от нас. Она вся тряслась, словно котёнок под дождём, но не от холода, а от страха.

Мы зашли внутрь крайне старого и умоляющего о ремонте здания. Нас встретила дежурная по КПП. Я описал ситуацию. Когда женщина увидела заплаканное личико девочки, то правоохранительные органы сразу принялись за работу. Я пообещал Злате, что её родителей быстро найдут. Моя утомлённая от всей этой игры в спасателя физиономия уже собиралась уйти, но дитяtko схватило меня за штанину и просила не оставлять её. Все сотрудники были настолько заняты, что никто даже не мог успокоить ребёнка и посидеть с ним. Я устало вздохнул и сел на диван вместе с ней. Она продолжа-

ла дрожать и всхлипывать. Прошло где-то 20 минут. Пока я сидел и ждал, это маленькое чудо понемногу успокаивалось и даже тихо посмеивалось, сидя рядом со мною. Пока никто не видел, я решил ей показывать всякие дурацкие фокусы вроде отрывания пальца и оторванным носом, а заодно гримасничать. Она смеялась и хлопала в ладоши. Мне нравится смотреть в детские глаза. Они не пропитаны человеческой злобой и не видят того ужаса, который происходит со взрослыми. Если так подумать, то мои детские годы были ещё не такими уж плохими, сравнивая их с настоящим.

—Злата, дам тебе совет на жизнь...

Девочка посмотрела на меня со всей серьёзностью, которую мог выдать детский мозг.

—Никогда не стремись вырасти как можно раньше, тогда и в жизни разочаруешься не так рано.

Девочка не особо поняла моего совета, но всё равно закивала, наверное, чтобы просто угодить мне.

Наконец вошли её родители. Они сразу же кинулись к Злате. Я же не стал задерживаться и решил продолжить прогулку. По всей видимости родители девочки даже не заметили меня, но мне было плевать. Я хотя был честен перед своей совестью. Пусть полицейских благодарят. Хах, интересно, а если бы я спас целую школу или интернат от пожара, то жали руку бы огнетушителю? Видимо...

Я продолжал идти по улице, но, как и всё в этой жизни, она мне наскучила. Пора заканчивать.

По пути домой решил зайти к своей знакомой. Проститутке. Анна Сергеевна Одинкевич. Знакомы мы с ней ещё со школы. Тогда, ещё в школе я знал, кто она на самом деле. Знал, что таит её душонка. Поводок всегда был в её руке. И подозреваю я, что не от плохой жизни она стала работать проституткой. О нет. Возможно, ей это в какой-то степени нравится. Чувствовать внимание мужчин, знать их желания и предпочтения – вот это важно для неё. Анна далеко не глупа. Но и гением её не назовёшь. Плутовка, если мягко выражаться. Её словно чёрные хрусталики, с каждой секундой наполняющиеся кислотой, выжигают душу. Она имела красивые, широкие, симметричные, словно канделябр, плечи с не менее прекрасными руками, которые по своей механической точности напоминали лапки самки богомола. Сама она была ростом с меня. Её рыжие волосы, блистающие, словно стараются загипнотизировать, оканчивались у шеи в длинном хвосте.

В гостях у Анны я себя чувствовал, как клоун на похоронах. И смех, и грех. Своим присутствием я её развлекал, а самому мне хотелось себя придушить. Сам не знаю зачем я каждый раз к ней захожу. Наверное, от одиночества. Началось это пару месяцев назад.

Я выходил вынести мусор. Навстречу ко мне шла ещё незнакомая мне взрослая Анна. Закинув пакет, из которого торчал мой довольно старый порванный свитер ещё со школьных времён, я направился домой, греть свои изрезан-

ные ручки, как меня одёрнула Анна.

—А зачем выкидывать-то? Дырка на нём небольшая, пару швов и готово.

—Я шить не умею да, и старый он уже.

—Ой, Дима, ты как обычно меня удивляешь. Совсем ты не практичный человек. Я тебе зашью этот свитер, будет как новый.

Она достала лежащий сверху свитер, а я озадаченно посмотрел на неё.

—Откуда вы меня знаете?

—А ты всё такой же, не меняешься. Наверное, уже каждого своего одноклассника поголовно выкинул из памяти. Ты даже не помнишь свою Анечку Одинкевич?

Я сразу же вспомнил все её школьные ужимки и жесты настоящей царицы. Забавно, что спустя даже столько лет, я всё ещё помню её образ, который очень хотелось бы забыть.

—Анна?

—Ты бы ещё дольше вспоминал. Конечно, это я.

—Не ожидал тебя здесь увидеть. Ты здесь живёшь?

—Недавно переехала. Получается, мы с тобой соседи!

Мысленно мне уже захотелось спалить свою квартиру и переехать куда подальше.

—Да я здесь не живу -попытался соврать я и сразу понял, что загнал себя в ловушку.

—Именно, поэтому ты сейчас в одних шортах и футболке выносишь мусор, выходя из подъезда позади тебя. Звучит

правдиво.

Я лишь пожал плечами.

—Неважно. Пошли, ходим ко мне в гости на чай. Повспоминаем нашу школьную жизнь. Особенно твои испанские усики в 9 классе. —говорила она, попутно гладив меня по плечу.

Я пусть и медленно, но грубо откинул её руку.

—Я, пожалуй, домой.

Она тут же схватила меня за руку и остановила.

—Всего на пару минуток.

Я, как обычно, скучал в полном одиночестве, поэтому решил ради интереса зайти к ней. Как только я согласился, она повела меня за собой. Оказывается, она жила в доме напротив меня, только я жил на самом последнем этаже, а она на первом.

Квартира её напоминала...лабиринт, куда не помотришь везде сплошной тупик, в том смысле, что каждый уголок в её квартире не привлекал внимания, очень повторялся, поскольку был пуст. Интерьер был довольно беден. Ни картин, ни цветков, ни книги, ни ковров — ничего не было. Сначала я было подумал, что она не полностью переехала и остались какие-то вещи, но нет. Анна сказала, что уже давно всё обустроила.

В её комнате была всего одна полка и то со всяким хламом, вроде карт Таро или ловца снов. С какой же искренностью в глазах Анна рассказывала мне об этом бреде. Нако-

нец дослушав эту чепуху, я понадеялся, что впредь мне не придётся слушать эти замечательные истории – как же я заблуждался.

Пройдя на кухню, Анна поставила чайник и начала рассказывать о своём взрослении, о работе, коллегах, друзьях. Я же просто молчал и дожидался, пока чай остынет. Она всё пыталась меня разговорить, заигрывая со мной. Ей хотелось соблазнить меня, но я ещё со школы знал, что я для неё не больше трофея или приза. Мне и немногим одноклассникам повезло не войти в список жертв Анны, которым она поразбивала сердца. За мной она охотилась довольно долго, но я оказался стойким.

С каждым моим походом к Анне я замечал, что она начинала вести себя всё более и более открыто. В один момент, когда мы играли в карты, Анна своей ногой касалась моей, затем она вытянула её вперёд, задевая мой живот и всё что ниже него. Она крайне медленно водила пальцами по моему телу. Я же не подавал виду и ждал, пока ей это надоест. Ничуть. Но я всё также продолжал ходить к ней, потому что особой альтернативы в общении у меня не было. Надо же с кем-то общаться, иначе совсем говорить разучишься.

Также мы часто спорили о такой штуке как судьба. При чём разговор и споры об этом завела Анна, хотя её всегда тянуло куда-то к звёздам и абстракции. Несмотря на своё одиночество и постоянную тоску, я всё же не до конца уверен в существовании фатализма. С одной стороны, чтобы я не де-

лал, у меня не получается найти друзей, стать кому-то нужным. А с другой, хочется верить, что не может наша жизнь строиться на чьих-то сценариях и желаниях. В общем, я на распутье. Возможно, Бог даёт мне такие испытания, чтобы проверить достоин ли я упокоенья.

Помню, как в один из таких споров Анна решила доказать фатализм на практике. Конечно, револьвера у неё не было, но в рулетку мы всё равно сыграли. Мы как обычно спорили, но Анна была увереннее обычного, будто у неё был козырь. Она размешала колоду, поставила карточную горку и сказала:

–Давай, если я угадаю, что у тебя за карта, то мы поцелуемся. Заодно я тебе и докажу, что я права.

Я ради азарта согласился. Дурак. Потянул за карту, там были черви. Вероятность того, что она угадает равна тому, что либералы не захотят бежать за границу – крайне мала.

Анна прищурилась, походила вокруг да около и медленно наклонилась ко мне.

–Дай-ка подумать...у тебя черви.

Я вновь посмотрел на карту.

–Нет, не угадала. Тут валет.

–Что?! Не может быть! Покажи-ка.

Анна потянулась ко мне, чтобы выхватить карту, но я сразу же запихнул её к себе в карман.

–Всё, ты не угадала! Будь добра, признать свой проигрыш. Судьбы – нет, а значит мне и не нужно тебя целовать. Да и

пойду я, засиделся я у тебя.

Да я соврал, настолько мне не хотелось исполнять желание Анны. Ну а что ещё я мог сделать?

Вернёмся же к истории. Я, как обычно, зашёл к Анне. Она приняла меня, как и всегда, с распростёртыми объятиями. Я до сих пор не понимаю, отчего она ко мне так тянется. Возможно, она хочет заполучить мои доходы, а может я для неё самый ценный трофей в жизни, ведь я один из немногих, кто смог улизнуть от её уловов. Она как обычно поставила чайник, одновременно раскладывая карты Таро.

—Димка, я недавно столько нового узнала об этих картах! Ты не представляешь.

—Ого, это настолько интересно и неожиданно, что мне аж хочется взять эти карты, объявить: «Вскрываемся!» и буквально перерезать ими себе вены.

—Ой, да не гунди ты. Щас всё объясню.

—Угу...

Она начала раскладывать карты в непонятном порядке. Я лишь искоса смотрел на это представление.

—Вот ты кто по знаку зодиака?

—Если бы за каждую чепуху, о которой ты меня спрашиваешь, моё тело выжигали клеймом, то я бы походил на останки Джордано Бруно.

—Знаешь, иногда я бы с превеликим удовольствием сожгла бы тебя. Правда, потом опять бы воскресила, но всё же! Не нуди!

–Да не помню я.

–Ты же родился в начале сентября. Ты...девы, Дима.

–Правда? А я думал сова...

–Дева – выражает элегантность, организованность, чистоту и победу разума над чувствами.

–Да какой смысл в этих предсказаниях? Поменяй знаки и их значения между друг другом и ничего не поменяется. Эти знаки напридумывали, чтобы видеть в людях, хоть что-то хорошее. «Я такое чмо безнадёжное, хотя погодите я во-долей, значит не всё потеряно.»

–Дева – это стихия земли...

–Чувствую, что после таких интересных историй, я как раз и буду лежать в земле. С пробитой головою и белых тапочках.

Анна подняла свои разочарованные глаза на меня.

–Прости -пробубнил я.

Она молча продолжила перекладывать карты. Так мы сидели минуты две-три. Я понемногу стал засыпать, как Анна меня разбудила, протянув ко мне карту.

На карте красовался рогатый и длиннохвостый демон. Он был здоровым и с крыльями.

–Это карта демона, Дим. Как ты понимаешь, ничего хорошего она не предвещает.

–Да уж. Таких рогатиков я видел в бабушкиной библии. Дед меня любил пугать вот такими чудиками. Ну что же мне уготовлено? Надеюсь, не ещё один адский котёл. Я в этом-

то не успел допечься.

—Это карта грехопадения. Она плотно связано со всем, что относится к греху. Жадность, зависть, гордыня, уныние, похоть, чревоугодие или гнев. Также она говорит о тупике, в который человек мог загнать себя сам или он был загнан кем-то другим. И ещё, это карта изгнанника и одиночки, который вечно скитается в надежде познать любовь.

—Вот уж кому-кому, а не картам таро говорить о Боге и религии! Эти шарлатаны не должны даже косвенно зарекаться об этом.

Мне надоело слушать этот бред, поэтому я стал собираться.

—Подожди, Димка! А чай?

—Я уже сполна напился этими бреднями. Спасибо.

—Карту-то хоть возьмёшь?

—На кой?

—Может, она тебя хоть к чему-то подтолкнёт. Всё же это твоя метка.

—Давай, лишь бы ты перестала об этом всё болтать.

Я выхватил из её рук карту с рогатым и запихал в карман, что она даже немного помялась.

—Когда опять зайдёшь? Через неделю? Месяц?

—Когда-нибудь.

—Ты знаешь, Дим, мне ведь тоже одной скучно, и только ты иногда ко мне заходишь, а сам к себе не впускаешь.

—Работаю, сама понимаешь. Я же ничего тебе не говорю,

когда прихожу в гости, а у тебя в соседней комнате мужик спит. Тоже понимаешь, «работа».

Анна ничего не ответила, лишь тяжело вздохнула. Я же заказал такси, попрощался с Анной и наконец покинул её свинцовую квартиру. Многим также может показаться, что я слишком груб с Анной, будто пытаюсь её нарочно обидеть. В какой-то степени вы будете правы, но кто из нас не бывает жесток? У меня никогда нет цели унижить её, я лишь пытаюсь защититься от неё. Поддаться её любви поступок для меня грязный, собственное неуважение к самому себе. Я же чую как она видит во мне трофей, который она хотела заполучить ещё со школьной поры. Уверяю вас, стоит нам один раз заняться любовью, так она сразу меня выкинет, забудет меня, заперёт двери, лишь бы я более никогда не приходил. Разлюбить девушка может настолько же неожиданно, насколько и полюбить.

Спускаясь по лестнице, я призадумался. Ха-ха, демон... Лермонтовский что ли? На выходе из подъезда меня ждала синяя машина. Я указал несколько остановок: сначала северный конец города, потом южный, а уже затем мой дом. Я так частенько делаю, уважаемые читатели, просто, чтобы хоть на мгновение не чувствовать себя одиноким. Я не общаюсь с водителем. Приятен сам факт того, что ты несколько минут своей жизни ты проводишь не в одиночестве. Да, я звучу, как сумасшедший. Так я он и есть. Мне уже давно пришлось отколоться от нормальных людей. И вот мы при-

езжаем в одно место, я ухожу куда-нибудь подальше, чтобы таксист не видел меня, начинаю курить и просто радуюсь. Один раз я даже начал истерически смеяться. От счастья. Так хорошо я себя редко, когда чувствовал. Это приятно.

Так я прокатался до самого вечера и наконец направился домой. Пока я ездил, из головы всё не выходили слова Анны. Демон, отрешённый... да карта червей. Неужели права она и ничего другого мне не остаётся? Да быть такого не может! Мне всё хотелось буквально встретить опровержение слов Анны вживую. Такая история мне не по душе. Впервые я был настроен сделать что-то непривычное. Я зашёл в переулочек, где и встретил свою судьбу. Бездомного. Нет без шуток, это повлияло на мою жизнь.

Я пошёл через довольно обшарпанный и разваленный переулок, где стояла большая мусорка и часто собирались бездомные, но в этот раз там сидел странный босяк, которого я ранее не видел. Вокруг него лежал разный мусор и газеты, которые видимо были его кроватью, подушкой для него был мусорный пакет. Неподальёку от него, видимо, сидели его «коллеги». Станным он был, потому что на удивление он был вполне ухоженным для босяка.

Бродяга искоса поглядывал на меня, не подавая никаких признаков заинтересованности. Бездомному на вид было 23-25, примерно, как и мне. Босяк был чуть ниже меня. Он носил очки, довольно затёртые. Если я был довольно плечистым, то он был не то, что толстый, скорее пухлый и с

такими огромными плечами, что он был словно медведь. У него было круглый низ лица и квадратный лоб. У него была слегка неухоженная борода, будто только недавно он перестал за ней следить. Сам бродяга был светло-рыжим. Его карие глаза выдавали в нём человека, который как будто знает что-то больше тебя. Самой запоминающейся чертой были его большие, будто у Брежнева, брови, они сильно бросались в глаза, причём будто в его глаза, словно они сейчас врежутся в них. Так же на запястье его была татуировка «Свобода», которую горизонтально пробивает восклицательный знак. Одет он был по погоде и не выглядел замёрзшим. Да и вообще с первого взгляда и не скажешь, что он был прямо бродягой. Но я понял это по его атрибутам. Стаканчик для мелочи, рюкзак и взгляд: «мне некуда пойти, да и ненужно». Я подошёл ещё ближе. Он посмотрел на меня уже с каким-то с пренебрежением. Будто бездомный я, а не он. Босяк закашлял и вымолвил.

—Что тоже хочешь избить меня?

Голос у него был пропитый и немного хриплый.

—С чего это вдруг? —удивлённо спросил я.

—Нет? Ну и хорошо.

Он достал наполовину пустую бутылку и начал пить. Вылебав всё до дна, он так сильно сжался, что казалось сейчас вывернется на изнанку.

—Что стоишь, брат? Присаживайся тебе тоже некуда идти.

—Почему ж? У меня в отличии от тебя есть дом.

—Материальный дом есть у каждого. А дом души? Он у тебя есть?

Я косо на него посмотрел.

—Странный ты брат. Вроде строишь из себя интеллигента, а не знаешь даже таких вещей. —улыбаясь, говорил он.

—Ну и что же это, умник?

—Да ты сядь, я и расскажу.

Он начал махать рукой вниз, чтобы я сел. Прогулка была долгой, я устал. Присев на сегодняшнюю газетку, я прижался спиной к стене здания.

—То место, где ты всегда можешь получить поддержку, да ни абы какую, а настоящую, крепкую.

Этот бездомный пусть и наглый, а говорит такие слова, которые иногда мне голову не могли бы прийти.

—Я как раз туда и направляюсь.

—К кому же?

—К жене и детям.

—Как жену зовут?

Я замешкался.

—Снежана. —неуверенно выдал я.

—Ну вот видишь брат, ты даже соврать не можешь.

Тут он был чертовски прав. Кроме имитации чувств, я не умел нормально врать. Но мне не хотелось с ним соглашаться.

—А кто врёт?

—Видимо, никто. —он ещё шире улыбнулся.

Его соседи, видимо, заслышав наш разговор, начали шептаться да тихо посмеиваться. Бомж стал задавать вопросы с очень быстрой скоростью, чтобы раскусить меня.

—Сколько мальчиков, сколько девочек?

—Один мальчик и девочка.

—Кто старший, кто младший?

—Девочка старшая, мальчик младший.

Я пытался сохранять спокойствие несмотря на всю раздражительность этой ситуации. Он меня искушал.

—Сколько им лет?

—Это что допрос?

—Нет просто интересно, как долго ты будешь продолжать врать. Ещё скажи, что работаешь в страховой компании, машинки у вас парные, по выходным в торговый центр ходите с друзьями выпивать, квартиру взяли под ипотеку, да и в ус не дуете о том, что дальше будет. Не, брат, не похож ты на счастливого обывателя.

Все сидящие рядом бездомные в голосину засмеялись.

—Понятно. -сказал я.

Он меня заставлял злиться, его постоянная улыбка и надменное рыло делало его настоящим палачом. Я стал медленно вставать, но он выдвинул свою руку передо мной.

—Подожди брат не уходи.

Я остановился и призадумался. Какая-то неведомая сила не давала мне уйти. А, может, это была и не сила. Возможно, это было, что-то более простое, приземлённое, челове-

ское.

—А почему бы и нет?

Я опять присел. Я не мог понять, да и сейчас немного не понимаю, почему меня так заинтересовал этот мужик. Он был очень прост и говорил развязано. Такое редко случалось в моей жизни, что кто-то говорил так искренне, вообще не задумываясь о чём он говорит.

—И как ты попал на улицу? — спросил я его, разбавляя тишину.

—Долгая история, но я полагаю нам некуда спешить.

—Да уж.

—Когда-то я был обычной частью серой массы, которая так же продолжала идти к пропасти. Но когда я потерял всех своих близких, то моё мировоззрение изменилось. Я решил жить только ради себя, потому что остальных-то и нет. Я решил путешествовать и проникаться чистотой и необычайной красотой нашего мира.

—Или тебя выперли с работы?

—Эге брат, смотрю ты узко мыслишь. Конечно, у меня нет работы, но я сам ушёл с неё, чтобы оторваться от серой реальности.

—Да...да ты просто оправдываешь свою лень!

—Ты так считаешь? — он так широко улыбнулся, что я чуть не вскипел.

—Ах, как же вам бездомным легко жить.

—А что тебе мешает так жить? Я вижу, что ты живёшь в

огромном достатке.

—У меня...у меня свои причины.

—Так поведай мне о них! — он положил подбородок на два своих кулака.

—Нет спасибо.

—А если бы ты не был таким высокомерным по отношению ко мне, то возможно я бы смог услышать твой рассказ.

—С какой-то стороны ты прав.

Мне надоело противиться ему, он был слишком напорист. Немного осмотрев его поближе, я заметил на куртке маленькие следы крови.

—Откуда кровь?

—А это...да комар здоровый попался вот и размазал.

—Ну да.

Мне не хотелось разбираться в этом, поэтому я опустил этот вопрос. На пару минут нависло молчание. Неловкое и длительное.

—Ладно я, пожалуй, пойду- сказал я.

—Бывай, братец!

Пока я уходил, он махал мне вслед рукой. Что это было? Слишком это странно.

Я решил чаще его навещать, и мы стали общаться. Каждый раз проходя через этот переулок, ведущий к моему дому, я останавливался, чтобы поговорить о новостях, философии, да и просто об банальных и смешных вещах. Всегда,

когда я как-то удачно шутил, он передразнивал мой смех, что вызывало, конечно, гнев, но и забавным это мне тоже слегка казалось. Босьяк оказался хорошим собеседником. Я до сих пор не понимаю, но видимо это знак Божий.

Через пару дней я отправился его навестить. Купил выпить, не особо крепкое спиртное и присел к нему. Он как обычно вёл себя довольно-таки фамильярно. Мы болтали на разные темы. Я был удивлён. Пусть словарный запас его и познания в науках были не столь обширны, как мои, но он был человеком открытым и довольно добродушным, что придавало ему какой-то окрас, который я никогда не встречал в своей двухцветной палитре жизни.

—Эге брат ты решил меня подкармливать меня или спотить?

Я незаметно улыбнулся.

—Решил тебя навестить, что-то скучно стало.

—Смотрите-ка как мы заговорили.

—Ну да...

—Да ладно я тебя понимаю, мало кто хочет дружить с бомжом.

Эти слова сбили всё моё хорошее настроение. Во мне резко вспыхнула злоба и вся желчь.

—Мы не друзья.

—Неа, брат, ты пока этого не осознаёшь.

Я допил напиток и кинул банку к его ногам, развернулся и ушёл. Он немного удивлённо и улыбочиво смотрел мне вслед.

Я решил вернуться. Всё же мусорить – неприлично, пусть и рядом с таким рассадником грязи.

Подумать только, как это унижительно единственный человек, которому не всё равно на тебя – это бомж. Вы просто представьте список гостей, допустим... на свадьбу. «Ага, родители, бабушка и дед, так, о и тот бездомный!». А моя будущая любовь вообще будет не русской. Я угадал, да? Ха-ха. В каком безумном мире я живу. Пару дней я обходил его стороной, но в итоге я опять погрузился в скуку. Что же делать? Решил я всё же навестить и Анну, которая не была удивлена моим долгим отсутствием.

– Димка? Заходи.

Она как обычно поставила чайник да начала доставать свои журналы с магией, модой, знаменитостями и прочей ересью. Я же о ней особо не думал. Из головы не выходил этот бездомный. Особенно его надменная улыбка.

– О чём задумался, писатель? Роман сочиняешь? Или статью какую-нибудь?

– Если бы.

– Ты, кстати, сохранил карту, которую я тебе давала?

– Рогатый этот? Не поверишь, он у меня с собою.

– Молодец, что прислушиваешься. Может, в будущем сможешь оценить все мои труды.

– Бесценнее этого, могут быть только исследования по удалению раковой опухоли у человека, который уже умер... как год назад.

—Продолжаем нудить? Но ничего, это поправимо. Сейчас поставлю какой-нибудь фильм, у меня как раз и еды немного завалилось. Что смотреть будем?

—Давай что-угодно, только без магии и гадания.

—Почему бы и нет. Что тут у нас показывают...ого «Отцы и дети». Оставляю?

—А давай. Люблю классику. Но ты же такое не смотришь.

—Ну одной сложно вникнуть в суть. А с тобой...с тобой другое дело.

Мы улеглись смотреть фильм, он как раз только начинался. Базаров приезжал к Кирсановым, которые даже не представляли какой кошмар их ожидает. Анна улеглась ко мне на колено. Она явно хотела, чтобы я её погладил или приласкал, но я продолжал смотреть фильм. От моего бездействия Анна заскучала и через время уснула. Заметив это, я уложил её в кровать, а сам дальше продолжил смотреть фильм. Я, наконец, понял кого мне напоминал тот хамоватый бездомный — вылитый Базаров. Такой же прямолинейный, грубоватый и уверенный. Чувствовать себя Аркашей мне не хотелось, поэтому я оделся и пошёл домой.

Я решил всё же опять с ним поговорить. Зашёл в магазин, купить ему поесть. Я не знал, чего именно он хочет, но мне кажется не в его случае выбирать. Я прошёл к переулку. Почему-то его там не было. Зато там была какая-то группа из трёх человек примерно моего возраста. Они шатались и были совершенно пьяны. Лица их были бледны с румянцем на

щеках и носах. Глаза были притуплены и игристо озлоблены. Один из них держал бутылку спиртного. Кто-то из них засвистел.

–Эй, бомж! –выкрикнул кто-то из них.

Другой же стал подзывать к себе бездомного, как кота. Третий так вообще предлагал «надудонить» прямо на лицо бродяги.

Я стал к ним приближаться. Они выглядели уверенными. Поначалу мне стало не по себе. Толпа...людей и наверняка они все ещё были друзьями. Но что-то во мне проснулось. Злость. Злость за такое гнилое отношение к человеку. И сразу же страх утих. Я шёл уверенными шагами навстречу этому отродью в шкуре людей.

–Любезнейшие, вы кого ищите? –спросил я.

Они засмеялись. Явно от моего обращения. Что ж нормы приличия никто не отменял.

–Бездомного одного – вырвалось из толпы.

–Позвольте, зачем он вам?

–Хотим поговорить так...по-дружески.

Я понимал, что они хотят выбить из него все потроха, а не предложить прогуляться под вечерней луной.

–Давайте сегодняшнее мероприятие перенесём на...никогда. Как вам идея? Устраивает?

Нависло напряжённое молчание. Его нарушали только летящие листья, шелест которых из-за тишины казался неприлично громким.

—Слушай, мужик, не надо нам тут мешать. Иди куда шёл. В библиотеку, наверное? На сиськи библиотекарьши передёрнуть? — сказал видимо лидер этой шайки.

—Господа, хотя нет...мудачьё дворовое, шли бы вы отсюда да ширялись бы по подъездам. Может, где-нибудь и в подворотне аль в канаве бы сторчались.

Они засмеялись ещё громче, чем в прошлый раз. Ну хоть повеселил цирком клоунов. Один из них даже кинул бутылку к моим ногам. Стекло разлетелось на множество кусочков, омывших мои ботинки. Я и не дрогнул.

—Ах-ха, ну вылитый граф Монтегристо. Или как там его, мужики? — проговорил пьянчуга, который закончил смеяться раньше всех.

Толпа начала медленно приближаться. Я поставил пакеты на землю. Посреди переулка были только мы. Я и та серая масса, которую я ненавижу. Мне хотелось их растоптать, но я держал себя в узде. Все они что-то делали. Один смотрел мне прямо в глаза, а я его игнорировал. Третий разминал руки, что так же говорило о неизбежности драки. А лидер широко улыбался и смотрел по сторонам, выискивая свидетелей.

—Я вот не пойму, тот бездомный отец твой или друг что ли? А может вообще любовник? — задорно спросил лидер шпаны.

—А что хотите присоединиться? Я смотрю друг друга вы уже перетрахали. — подытожил я.

В этот момент они уже меня окружили. Пьяницы рассме-

ялись. Я на секунду потерялся и тут же словил неожиданный удар от их лидера. Меня откинуло в сторону другого алкаша, который меня пружинно оттолкнул от себя. Они то били меня, то швыряли друг к другу.

Я стиснул зубы. Кулаки мои сжались. Я буквально почувствовал, что они горят. Когда эти твари вновь пихнули меня, я резко выставил широко руки, ударив одного из них прямо в лицо. От неожиданности он упал на землю. Мой удар был очень резок и точен. Остальная толпа встрепенулась, чем я воспользовался и побежал прямо на одного из них. Удар ногой, кулаками во все части тела, куда я успевал попадать. Со-вру, если скажу, что не был счастлив в тот момент. После красивого и крайнего удара прямо в нос одного из этих мудаков, остальные двое схватили меня за плечи и опрокинули на землю. Они сразу же начали пинать меня. Я закрывал лицо руками. Несмотря на удары, у меня хватило сил, чтобы начать медленно подниматься. Дикари, не ожидая такого, стали с удвоенной силой стучать по мне. Мне это было на руку. Буквально. Я схватил ногу одно из них и резким движением вывернул. Был слышен хруст. Жертва вскричала. Остальные же перестали меня пинать, понимая, чем это могло закончиться.

—Кажется он её сломал! — продолжала кричать жертва.

—Скажи спасибо, что каретой тебя не задавил, Мармеладов, недоделанный! — облакачиваясь на локти, острил я.

Холодный ветер придавал немного бодрости и спокой-

ствия. Кровь заливала всё моё лицо, сложно было хоть что-то нормально разглядеть. Но злость была выше чувства страха. Я с трудом поднялся и продолжил пытаться ударить нападающих. Поначалу это выглядело как безумный мордобой, то я ударю одного из них по лицу, то кто-то из них ударит меня. Поскольку они оба были пьяны, а моё лицо залито кровью, удары у нас получались неточные и хаотичные. Я хотел влететь ногами в одного и оттолкнуться во второго и наконец завершить этот парад в честь насилия. Я ускорился и уже собирался прыгнуть, но тот, что был позади ударил меня в подколенную ямку. Припал на колено. Тот, которого я пытался ударить зарядил мне ногой в грудь. Упал. Они всполошились и полностью задавили меня, начав бить в три раза сильнее. Один сел на меня и начал бить в лицо, а другой продолжал пинать. Казалось, что кости вот-вот сломаются. В темноте от зажмуренных глаз всё взрывались яркие вспышки и искры от ударов обидчиков.

Неожиданно я услышал чей-то крик. Это был тот бездомный. В руках у него была бутылка. Он запрыгнул на одного из них, разбив её об его голову. Мужик закричал и попытался сбросить бродягу, но тот крепко вцепился. Второй решил бросить меня и избавиться от бомжа. Они бросили его на землю и начали бить, наверное, даже сильнее чем меня. Вздохнув, я быстро встал и так сильно ударил по одному из них, что почувствовал резкий болевой импульс, словно в руку ударила молния. Оставшегося же бездомный откинул от

себя. Мужик упал и от таких перегрузок просто начал блевать на себя. Я помог подняться бродяге, и мы уже собирались убегать отсюда, как заблёванный потянулся к нам, но я кинул в него песком. Это было необязательно, но мне хотелось наказать этого ублюдка. Он сразу же схватился за глаза, пытаясь хоть что-то разглядеть. Босяк смотрел на блевуна и меня с недоумением. Я крикнул бездомному, что нужно скорей бежать и рванул со всех ног. Сначала я подумал, что бродяга уже наступает мне на пятки, но я обернулся и увидел, что тот хватается мои пакеты. Такого я, конечно, не ожидал. Подняв пакеты, он побежал за мною и крикнул: – «Эти трофеи я им не отдам!». Гремя пакетами, мы побежали домой.

Наконец мы добежали до моего дома. Можно было спокойно выдохнуть. Не знаю, как я сдерживался, чтобы не упасть в обморок на улице, но я смог довести нас до дома. Зайдя в квартиру, я указал ему, чтобы он раздевался, а сам я немного призадумался и встал посреди прохода. Потом неожиданно спросил.

–Дай угадаю они тебя избивали и предыдущие разы.

–От тебя правды не скрыть... я приму у тебя душ?

–Можешь здесь пока пожить.

–Что?

Впервые удивлённым выглядел он, а не я.

–Тебе опасно оставаться на улице.

–То есть...ты всё осознал?

Он опять заулыбался.

–Но тебе придётся найти работу.

–Но я смогу остаться жить у тебя?

–Да. На время.

Он приблизился ко мне и обнял меня. Мой нос почуял очень мерзкий запах и лицо приняло вид мёртвого.

–Ну уж извини, жизнь на улице имеет и свои минусы.

Он продолжал улыбаться, а я...я не понимал, что происходит. Я приютил бездомного и непонятно почему, я...я был впервые по-настоящему счастлив. Может вот он преданный друг, которого я искал всю жизнь. Я на это крайне надеюсь, я впервые чувствую что-то подобное.

–Как тебя зовут? – прервав тишину, спросил я.

–Евгений...Евгений Верной.

–Меня Дмитрий.

Ха-ха...Верной, так забавно звучит. Но всё же нельзя спешить с выводами раньше времени.

Разувшись, я пошёл в комнату и рухнул на диван, закинул руки за голову, достал сигарету, закурил. Сигаретный дым придавал спокойствия моей больной голове, которая уже почти не соображала. Ноги были перекрещены между собой. Я всё думал, меня бы сейчас просто напросто бы убили и впервые мне от этого не радостно, впервые я чувствовал какое-то удовольствие от того, что могу просто дышать, видеть всё вокруг себя, чувствовать запахи.

Я не заметил как уснул. Сон пробежал также незаметно, будто я моргнул и наступил новый день. Проснувшись, я, бу-

дучи ещё вялым, осознал одну вещь – я впустил в дом совершенно мне незнакомого человека, да к тому же бомжа. Что я сделал? В этот же момент донеслись звуки шуршащих вилок, ложек и ножей. Кажется, он сейчас зарежет меня. Я медленно поднялся с дивана. Болело всё тело. От макушки до ступней. В углу комнаты лежал пылесос. Я открутил трубку и тихо направился на кухню. Мои опасения подтвердились, у Евгения был нож в руке. Он стоял ко мне спиной, не замечая меня, как вдруг обернулся. Я уже замахнулся и решил бить.

–Дима! Ты что творишь?! – взвопил Евгений, отпрыгнув от меня.

Он положил нож на стол и поднял руки. Я увидел, что за ним было. Бутерброд, необычный, пожалуй. В нём было процентов пятьдесят от моего холодильника.

–Ты, что тут делаешь? – спросил я.

–Как видишь пытаюсь спокойно поесть, тебе тоже бы не помешало. Будешь? – он протянул тарелку с более маленьким бутербродом.

Я кинул трубку на пол и уселся за стол, на котором стояли разложенные в определённом порядке продукты. Видимо, Евгений помимо моей ванны познакомился ещё и с моим холодильником.

–Кофе сделать? – спросил он.

–Покрепче.

Евгений кивнул и принялся варить мой любимый напи-

ток, а я наслаждался на удивление очень вкусным и необычным изделием. Наевшись и напившись, я пошёл к окну покурить. Только в тот момент я заметил, что крови уже не было, я был вполне чист. Видимо Евгений умыл меня пока я спал, да сплю я и вправду крепко.

—Ты бы поменьше курил хотя бы перед тем, как ложиться спать. Вчера чуть из-за тебя не сгорели. — сделал мне замечание Евгений.

Я обернулся, посмотрел на него, сделал виноватое лицо и добавил:

—Ну, зато бы завтракал не бутербродами, а шашлыками.

Он засмеялся, я же продолжил смотреть в окно и один из уголков моего рта слегка приподнялся.

В свободное от работы время я много общался с моим новым знакомым. Евгений рассказал, что раньше работал поваром. Ему очень нравилось готовить еду, и это у него отменно получалось. Я сам в этом убедился. Почти из ничего у него получались и десерты, и закуски, и супы. Он буквально мог сварить кашу из топора. Да он, мне кажется, мог и топор приготовить так вкусно, что будешь сидеть и грызть его как леденец. После того как его уволили из ресторана, он пытался устроиться поваром в другом месте, но безуспешно. Так он и попал на улицу, говорит несколько не жалеет об этом. Мне хотелось помочь ему вернуться в строй. Мы договорились, что он будет моим поваром и домохозяйкой, пока не найдёт себе новую работу и не сможет самостоятельно

снимать квартиру. Мы совместно искали вакансии. Конечно, Евгений мог сразу же устроиться в фастфуд и жарить котлеты, но я считал, что он достоин большего, с его талантами. Да и мне он особо не мешал. Всё же всегда приятно, когда о тебе кто-то заботится. Но через пару месяцев у него получилось найти неплохое местечко – только открывающийся ресторан. Он стал работать поваром в достойном ресторане, начальство удивилось его кулинарным талантам. Платили ему хорошо и с коллективом проблем не было. Через несколько месяцев Евгений сообщил мне, что их шеф-повар собирался увольняться, следовательно должность становилась свободной – угадайте кого выдвинули на кандидатуру шефа. Так что дела у моего знакомого с улицы стали идти в гору. Когда я приходил отобедать в ресторан, где работал Евгений, меня всегда забавил тот факт, что все посетители питаются едой приготовленной бродягой. Да он не делал из крыс котлеты и не мочился в супы, но мне кажется, что часть обедающих здесь, узнав о прошлом моего сожителя, свои блюда даже доедать не стала. Хотя может я один предаю прошлому людей слишком много значение? Но если подумать, то когда-то в детстве я кормил бомжа, а теперь бомж кормит меня в моём же доме и ресторане. Безумие, какое непонятное, но при этом радостное безумие! Мне так нравилось, как готовит Женя, что смог договориться со своим начальством, чтоб сделать статью об ресторане, где он работал, чтоб туда пришло больше новых гостей. И оно так и случилось. Теперь

это один из популярнейших ресторанов в нашем городе. Женья был крайне благодарен мне за это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.